

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2010 № 3

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2010 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции ... 3

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Антофеев А.В. Устойчивое развитие города и социальные аспекты градостроительной политики... **5**

Птичникова Г.А. Архитектура и потребитель: метаморфозы города под влиянием глобального туризма ... **10**

Вавилова Т.Я. Актуальность применения категории «толерантность» в архитектурной типологии объектов социальной сферы ... **16**

Игнатов Г.Е. Антиномии «города-сада» и «города башен» в преддверии социальных экспериментов XX века ... **23**

Королева О.В. Исторические аспекты формирования социального жилья в Западной Европе ... **29**

Потокина О.В. Берлин как культурно-историческое пространство ... **35**

Янушкина Ю.В. Тенденции и концепции пространственного развития города в XX в. (на примере Волгограда) ... **40**

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Карчагин Е.В. Историческая справедливость в контексте городского пространства ... **48**

Кузнецов А.Г. Чикагская школа социологии города: к идентичности через границы ... **54**

Булах Д.А. Организация работы городского молодежного ведомства (на примере Кёльна) ... **60**

Барковская А.Ю. Городской человек: проблемы духовного и душевного благополучия ... **63**

ГОРОД И ВЛАСТЬ

Вепотнев Ю.Ю. Урбанистические корни правовой культуры ... **70**

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 74

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашиков,
зам. председателя —
д-р экон. наук, проф. **М.К. Беляев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**,
нач. РИО ВолгГАСУ **О.Е. Горячева**,
председатель комитета
по бюджету, налогам и сборам
Волгоградской городской думы
проф. **М.М. Девятков**,
д-р техн. наук, проф. **В.Г. Диденко**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добреньков
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р экон. наук, проф.
О.В. Максимчук,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р пед. наук, проф. **В.В. Сериков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Слышкин

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2010

© Потокина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENTS

Editorial note ... 3

ARCHITECTURAL SPACE OF AN INDUSTRIAL CITY

Antyufeev A.V. Sustainable development of city and social aspects of planning urban policy ... **5**

Ptichnikova G.A. Architecture and the consumer: metamorphoses of city under influence of global tourism ... **10**

Vavilova T.Ja. About an urgency of application of a category "tolerance" in architectural typology of objects of social sphere ... **16**

Ignatov G.E. Antinomys of "garden-city" and "city of towers" in the 20th century social experiments anticipation ... **23**

Koroleva O.V. Historical aspects of formation of social habitation in the Western Europe ... **29**

Potokina O.V. Berlin as cultural and historical space ... **35**

Yanushkina Yu.V. Tendencies and conceptions of expanse development of the city in twentieth century (in terms of Volgograd) ... **40**

A MAN IS IN A CONTEMPORARY CITY

Karchagin E.V. Historical justice in the context of urban space ... **48**

Kuznetsov A.G. Chicago school of urban sociology: to the identity across borders ... **54**

Bulakh D.A. Organization of Urban youth department (on the example of Cologne) ... **60**

Barkovskaya A.Yu. Town dweller: the problems of spiritual and mental well-being ... **63**

A CITY AND POWER

Vetyutnev Yu.Yu. The urban roots of legal culture ... **70**

INFORMATION FOR AUTHORS

Admission articles to the editors and the requirements for copyright originals ... **74**

Вниманию авторов и читателей!

Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**, и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru), подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2010 гг. обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/publishing/journals/city-sociology>)

*Номер представляют
доктор философских наук,
профессор, заведующий
кафедрой философии,
социологии и психологии
ВолгГАСУ*

**Борис Александрович
Навроцкий**
(гл. редактор)

*и доктор архитектуры,
профессор, директор
Волгоградского
представительства
НИИ теории архитектуры
и градостроительства РААСН*

**Галина Александровна
Птичникова**

В сентябре 2010 года учредитель нашего журнала — Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет отмечал 80-летие строительного образования в Волгоградской области. Этому событию была посвящена международная конференция по проблемам градостроительной науки и образования. Одна из секций конференции, организованная редакционной коллегией журнала «Социология города», проходила в форме круглого стола. Выступления участников конференции, вызвавшие оживленную и достаточно продолжительную дискуссию, были оформлены в виде статей и составили содержание очередного номера нашего журнала.

Центральная тема, обсуждавшаяся на секционном заседании, возникла не случайно. На протяжении трех лет жизни журнала его раздел, посвященный анализу архитектурного пространства современных городов, приобрел устойчивую группу авторов и читателей, которая имеет широкую географию в нашей стране: от Москвы до Владивостока. Эти авторы и составили основное число выступивших, определив тему дискуссии.

То, что их объединило, — это особый взгляд на жизненное пространство городов, позволяющий обобщить разнохарактерные градостроительные тенденции, выявить первопричины их возникновения и закономерности эволюции. Этот взгляд сводится, в общем, к социогуманитарной позиции, которая помогает архитектуре «встряхнуть» устоявшуюся связь между функцией и формой, избавиться от предрассудков устоявшихся смысловых конструкций и предрубеждений. И вместе с тем мы не склонны здесь проводить прямые параллели между социальной позицией и архитектурой, или делать вывод об их прямом влиянии, или искать прямую зависимость в развитии архитектурной и теоретической мысли.

Сложно представить себе архитектора, который бы не занимался поисками художественного решения, а стремился выразить напрямую какие-либо социально-философские предпочтения. Случается, что архитектор вообще не знаком с философскими трактатами. Но фактор непосредственного знакомства или незнакомства архитектора с определенными теоретическими концепциями не является существенным.

Контекст социокультурной среды в каждую эпоху настолько пропитан как идеями, так и результатами художественной деятельности, что поиски в разных областях культуры, в данном случае в архитектуре и социологии, неизбежно приобретают общее направление. Возникает определенная цепочка-связь между социально-философскими идеями на одном полюсе и архитектурным творчеством на другом. Связь осуществляется через сложные узлы, в которых переплетаются эстетические предпочтения, научно-технические идеи, идеология, политика, религия, обыденное сознание. Поистине масштабный архитектурный образ выступает всегда в качестве универсального обобщения действительности, поэтому он ассимилирует концептуальные идеи, характерные для определенного этапа цивилизационного развития. Вместе с тем невозможно не заметить фундаментальную амбивалентность социальных идей относительно архитектуры. С одной стороны, они претендуют на то, чтобы объяснять архитектуру и историю архитектуры как любое другое явление. С другой стороны, оказывается, что рассуждения о различных явлениях часто строят в дискурсе архитектуры, полагая ее как некую идеальную конструкцию. Архитектурная парадигма становится матрицей, задающей способы видения универсума как Миро-Здания.

В настоящий период происходит процесс глобализации мира. Глобальный характер архитектурного мышления, несомненно, ведет к укрупнению выражения им идей и возрастанию в нем теоретического начала. В этой связи становится очевидной необходимость дальнейшего исследования процессов и тенденций в современной отечественной и мировой архитектуре, формирующихся под опосредованным влиянием социокультурных идей, и выявления концептуальных ориентиров современного архитектурного творчества. Представляется, что многие из будущих публикаций на страницах журнала «Социология города» будут посвящены исследованию названных проблем.

Б. Навроцкий, Г. Птичникова

УДК 711-1(470)

А.В. Антофеев

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
ГОРОДА И СОЦИАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

Приведен анализ проблем практической градостроительной деятельности в городах России, в которой задействованы три главных действующих лица: город, власть и общество. Предложены рекомендации по совершенствованию территориально-градостроительной политики на примере разработки документации территориального планирования.

Ключевые слова:

город, социальные аспекты, градостроительная политика, территория, устойчивое развитие.

A. V. Antyufeev

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF CITY AND SOCIAL ASPECTS
OF PLANNING URBAN POLICY**

There are analyzed problems of a practical town-planning activity in cities of Russia in three main characters: city, authority and a society. The author offers recommendations for a perfection of a territorial-planning policy on an example of the development of the territorial planning documentation.

Key words:

city, social aspects, a town-planning policy, territory, sustainable development.

Об авторе:

Антофеев Алексей Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), зав. кафедрой градостроительства ВолГАСУ (8442) 96-98-10, antyufeev_a@mail.ru

Antyufeev Aleksey Vladimirovich – candidate of architecture, professor, corresponding Member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Department Chairman of urban development, VSUACE

Тема устойчивого развития городов в настоящее время является одной из самых актуальных. Градостроительное проектирование должно осуществляться с учетом интересов не только сегодняшнего, но и будущих поколений граждан.

Суть концепции устойчивого развития, идущей от глобальной идеологии Sustainable Urban Development, определяется тем, что развитие городов в настоящем должно осуществляться таким образом, чтобы не лишать последующие поколения возможности удовлетворять свои потребности в гармоничном обустройстве окружающего пространства. В градостроительстве понятие устойчивого развития возникло при изучении и моделировании структур населенных мест. Устойчивость рассматривалась как свойство градостроительного объекта или как результат его эволюции (исследования А.Э. Гутнова, В.Л. Лаврова, К. Линча, Дж. Форрестера и др.).

Вершинами устойчивого развития городов являются здоровая окружающая среда, социальная сплоченность, экономическая эффективность и всеобщее участие в их формировании. Другим признаком устойчивости города является его конкурентоспособность, проявляющаяся в борьбе за привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест, повышение уровня жизни. Повышение конкурентоспособности города идет за счет улучшения общих условий производственной деятельности и привлекательности его для постоянного проживания и временного пребывания.

Для устойчивого развития города, таким образом, необходимо сбалансированное и эффективное взаимодействие основных городских подсистем: экономики, социальной структуры, экологии и материально-пространственной среды (структуры) города.

Под устойчивым градостроительным развитием территории подразумевается способность планировочной и социальной организации города сохранять динамическое равновесие в ходе резких изменений процесса ее развития, иными словами, способность сохранять структуру при воздействии возмущающих факторов или возвращаться в прежнее состояние после нарушения. Понятие «устойчивое развитие» включает в себя социальную справедливость, сбалансированную экономику и экологическую устойчивость. Социаль-

ная справедливость неизбежно должна основываться на экономической устойчивости и равенстве, для чего необходима экологическая устойчивость.

Ключевым фактором в обновлении городов выступает выбор управленческих решений, которые позволяют достичь обозначенных выше целей. Иными словами, необходима реализация продуманной территориально-градостроительной политики. В разработке этой политики принимают участие три основных агента: общество, власть и, собственно, город как градостроительный организм, на который и воздействуют две первые силы.

В России общество совсем недавно стало полноправным участником градостроительной деятельности. Если взглянуть на историю вопроса общественного участия в архитектурно-градостроительной деятельности в нашей стране, то долгое время решения принимались исключительно «сверху» в связи с тем, что главным образом государство являлось основным заказчиком проектных работ и определяло судьбы городов и их населения.

Современное российское общество по отношению к городу часто выступает в двух лицах, которые условно можно назвать «гражданское сообщество» и «бизнес-сообщество». Интересы этих групп диаметрально различны. У бизнеса целью является получение прибыли, как правило, интенсивно используя ресурсы территории и минимизируя затраты. В физическом воплощении это означает максимально плотную застройку территории жилыми домами повышенной этажности, офисными или торговыми зданиями на существующей инфраструктуре.

Гражданское сообщество, в свою очередь, претендует получить комфортную и безопасную среду жизнедеятельности. Главными целями городского сообщества в развитии территории становятся:

- озеленение и благоустройство общественных пространств;
- развитие общественного транспорта;
- строительство новых детских садов и школ;
- обустройство детских и спортивных площадок;
- создание условий для жизни инвалидов.

Необходимо добавить, что часто один и тот же человек может представлять интересы обеих групп. Как гражданин он выступает, например, за сохранение зеленого сквера, в котором он может погулять, а как бизнесмен стремится к застройке этого участка в целях получения материальной выгоды.

Частные инвесторы ищут возможности реализации планов, связанных с масштабным городским строительством. Граждане, как правило, заинтересованы в проектах, касающихся обустройства их конкретного двора, квартала, микрорайона.

Власть в лице законодательной и исполнительной ветвей своей целью имеет эффективное социально-экономическое развитие территории и недопущение социальных конфликтов. Власть пытается связывать интересы всех групп общества, однако чаще всего развитие территорий связывает с поисками частных инвесторов для реализации своих благих намерений.

В этой связи к настоящему времени наметились очевидные опасности партнерства бизнес-групп и властных структур для общественного сектора. Во-первых, появляется риск преобладания краткосрочных экономических интересов, иными словами, получение быстрой прибыли, над качеством архитектурно-строительного решения и долгосрочными выгодами для муници-

палитета и населения. Во многом сегодняшнее критическое состояние городов является результатом следования такой политике, направленной на быстрое достижение краткосрочных результатов. Благодаря тому, что долгосрочные отдаленные последствия подобной политики часто прямо противоположны краткосрочным улучшениям, эти быстрые блага в конце концов оборачиваются трудностями. Во-вторых, вследствие частного финансирования какого-либо проекта требования к нему диктуются исходя из интересов исключительно конкретного инвестора, а общественные запросы попросту игнорируются. Например, «забываются» обещания инвестора построить детскую площадку в квартале, в котором строится новый дом, или благоустроить парк, находящийся рядом со стройплощадкой. Кроме того, практика показывает, что для отстаивания общественных интересов представители муниципальных органов должны действовать монолитно, единым фронтом, проводя общую политику. Частный инвестор, как правило, выступает активно и напористо с уже подготовленным решением, обсуждение различных мнений проходит внутрикорпоративно. Межведомственные разногласия между муниципальными чиновниками или проектировщиками только на руку частным застройщикам, которые могут извлечь из этой несогласованности определенную выгоду для себя.

До сих пор в России идет поиск различных форм сотрудничества участников инвестиционно-градостроительных проектов: с одной стороны, инвесторов, застройщиков, с другой стороны — проектировщиков и подрядчиков-строителей, с третьей стороны — государства, региональных и муниципальных властей, с четвертой стороны — общественности. Очевидна необходимость регулирования общественных отношений в сфере проектирования и строительства и решения задачи повышения требований как по снижению административных барьеров в строительстве, так и повышению ответственности участников рынка, а также роли общественного участия в принятии градостроительных решений.

Главным для муниципальных властей в использовании различных форм взаимодействий с частными инвесторами и застройщиками должно быть определение четких правил, правовое обеспечение общественных интересов на всех стадиях разработки совместной программы как основы для делового взаимовыгодного партнерства. Частный бизнес по определению всегда стремится поставить свои интересы выше общественных. Эта проблема существует во всех случаях реализации инвестиционно-градостроительных проектов. В этой связи резко возрастает роль градостроительного законодательства, определяющего правила участия частных партнеров в градостроительном развитии муниципальных образований.

Кроме названных выше действующих лиц — общества и власти — имеется еще один, так скажем, неодушевленный субъект градостроительной деятельности — город. Город как сложная самоорганизующаяся система (градостроительный организм) имеет собственные закономерности развития. Например, необходимо принимать во внимание замедленный инерционный характер изменений города. Незнание или недоучет этих закономерностей на практике приводит к тому, что многие благие намерения властей, выраженные в форме программ социального развития, дают непредсказуемые негативные результаты, производят обратный эффект.

В настоящее время в России вопросы городского развития решаются в документах территориального планирования и градостроительного зонирования. Проектировщики, выигравшие тендер, получают от муниципального заказчика техническое задание на выполнение градостроительной документации, в котором сформулированы основные требования к развитию территорий. При разработке этой документации проектировщики рассматривают различные варианты развития городской территории и выбирают наиболее рациональный вариант с учетом ресурсов территории и намеченных заказчиком целей социально-экономического развития.

Проект разработан. Публичные слушания проведены, интересы сторон соблюдены, документ утверждается. Наступает этап его реализации в соответствии с планом реализации. Однако в существующей системе градостроительной деятельности в нашей стране именно на этой стадии возникает правовая и законодательная неопределенность. Реализация проектных решений осуществляется властью. Но кто будет отслеживать, каким образом город как градостроительный организм реагирует на эти воздействия?

Представляется, что параллельно с этапом реализации проектов должен осуществляться постоянный градостроительный мониторинг, иными словами, сверка выбранного пути и реального положения дел. Цель ведения мониторинга — выявление, оценка и прогнозирование тенденций градостроительного развития города с учетом социально-экономических факторов, обоснование необходимых градостроительных мероприятий, планируемых при разработке и актуализации градостроительной документации, а также выявление необходимости обновления правовой, нормативной, научно-методической и информационно-технологической базы градостроительства в городе.

Мониторинг должен осуществляться не в границах муниципального образования, а на уровне субъекта Федерации. Только на этом уровне можно отследить всевозможные внешние факторы, воздействующие на развитие города. Именно этот уровень позволяет соблюсти интересы государства, региона и муниципалитетов. В числе главных задач мониторинга стоит разработка специальной системы статистической отчетности, отражающей реальное функционирование города. Эти показатели, в свою очередь, должны сверяться с индикаторами городского развития.

Прилагая усилия для улучшения качества жизни людей и делая общество более стабильным, необходимо находить баланс между социальными потребностями, задачами экономики и возможностями окружающей среды. На практике очень трудно найти этот баланс, и индикаторы помогают определить тенденции к изменению состояния той или иной сферы и тем самым указывают возможные направления дальнейшей деятельности.

Индикаторы являются инструментом для измерения, визуализации и обсуждения важных проблем развития. Они определяют количественную и качественную характеристику проблемы и позволяют сделать оценку ситуации, отметить ее изменение в положительную либо отрицательную сторону. Индикаторы помогают обеспечить комплексность подходов устойчивого развития и взаимозависимость его составляющих.

Индикаторы устойчивого градостроительного развития могут отражать состояние городской среды и сигнализировать о необходимости действий для ре-

шения различных проблемных вопросов, они также могут быть полезны в определении того, какими могут или должны быть изменения.

Проблема информационной обеспеченности российских городов требует максимально быстрого и профессионального решения. Особенно остро эта потребность проявляется в самих муниципальных образованиях, где ввиду отсутствия универсальной, профессионально разработанной, применимой на практике методики существуют серьезные сложности в оценке текущей социально-экономической ситуации, в прогнозировании и управлении процессами развития города.

В свою очередь, разработанные индикаторы должны быть отражены в проектных решениях, что позволяет проследить динамику развития городских территорий по срезам — этапам. Через определенные промежутки времени возможно выявить улучшение состояния инфраструктуры, экологии, снижение преступности в городе и т.д. или же, напротив, очевиден крен в какую-либо сторону или отставание, деформация градостроительного организма. Результаты сверки индикаторов с показателями проектных решений и реальными данными могут быть основанием для решений о корректировке документов территориального планирования и градостроительного зонирования.

В качестве примера разработки инструментария реализации территориально-градостроительной политики муниципального образования можно привести процесс подготовки нового Генерального плана города Волгограда, утвержденного в 2007 г. В рамках разработки Генерального плана Волгограда была создана методика количественной и качественной характеристики и оценки перспективного территориального планирования города. В основе этой методики было предложено использовать индикаторы устойчивого развития территории. При разработке индикаторов градостроительного развития Волгограда были изучены индикаторы, используемые для других регионов РФ, стран СНГ, а также США, Великобритании и ряда других европейских стран. Однако при всей подготовленности предложений по мониторингу развития Волгограда комплексный и оперативный контроль над реализацией проектных предложений Генплана в городе не ведется. Органы муниципальной власти, уполномоченные осуществлять градостроительную деятельность, оказались не в состоянии отслеживать весь спектр происходящих изменений городского развития.

Проведенный анализ реализации положений документов территориального планирования и градостроительного зонирования в городах России показал, что практически во всех муниципальных образованиях страны градостроительный мониторинг, выявляющий проблемы взаимодействия трех составляющих территориально-градостроительной политики: власти, общества и города, — не ведется, индикаторы устойчивого развития территории не разработаны. А если и разработаны, то не сведены в единую государственную систему градостроительного мониторинга, позволяющую осуществить обратную связь управленческих решений, принимаемых на уровне государства. Эта серьезная большая работа, которая возможна лишь при выполнении комплексных междисциплинарных исследований, в первую очередь в рамках независимого экспертного сообщества, представленного в настоящее время Российской академией архитектуры и строительных наук.

© Антюфеев А.В., 2010

Поступила в редакцию в октябре 2010 г.

УДК 71:379.85

Г.А. Птичникова

**АРХИТЕКТУРА И ПОТРЕБИТЕЛЬ:
МЕТАМОРФОЗЫ ГОРОДА
ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛЬНОГО
ТУРИЗМА**

Освещены проблемы изменения среды городов, связанные с появлением нового потребителя архитектуры — глобального туриста. Анализируются потребности туристической индустрии и свойства архитектурной среды, рассматриваемой как продукт туристического бизнеса.

Ключевые слова:

архитектурная среда, городская среда, глобализация, туризм, город.

G.A. Ptichnikova

**ARCHITECTURE AND THE CONSUMER:
METAMORPHOSISES OF CITY
UNDER INFLUENCE
OF GLOBAL TOURISM**

In the article changes of the environment of the cities, connected with occurrence of the new consumer of architecture — the global tourist are considered. Requirements of the tourist industry and property of the architectural Environment considered as a product of tourist business are analyzed.

Key words:

environment of the cities, urban environment, globalization, tourism, city.

Об авторе:

Птичникова Галина Александровна — советник РААСН, доктор архитектуры, профессор, директор Волгоградского представительства НИИ теории архитектуры и градостроительства РААСН, профессор кафедры градостроительства ВолгАСУ
ptichnikova_g@mail.ru, (8442) 96-98-10

Ptichnikova Galina Aleksandrovna — advisor RAASS, Doctor of Architecture, professor, director of the Volgograd representative of the Institute of scientific research of the theory of architecture and city planning, professor of Urban Planning, VSUACE

Взаимодействие архитектуры и ее потребителей является важной мировоззренческой и теоретической проблемой, которая на каждом историческом этапе имеет свои решения. В XX в. произошла своего рода революция в этих отношениях в связи с появлением нового типа потребителя.

В конце XX в. в мире возник новый тип потребителя — это «глобальный турист», который разъезжает по миру группами и поодиночке, проникает во всевозможные ранее недоступные места, заполняет центры исторических городов и становится неотъемлемой частью города как такового. Настоящий период развития туристической отрасли легко охарактеризовать тем обстоятельством, что на смену путешественникам, которых было не так-то и много, пришел массовый туризм, который нацелен, прежде всего, на получение ярких впечатлений, хорошего настроения от разнообразных развлечений, зрелищ и комфортабельного отдыха.

Новый потребитель архитектуры — турист. В этой связи необходимо обратить внимание на проблему мощного воздействия, которое в настоящее время туристическая индустрия оказывает на развитие архитектурной среды городов. Развитие международного туристического бизнеса обуславливает очевидные изменения в структуре обслуживания мировых городов: трансформируется структура занятости, растет сеть отелей и предприятий общественного питания. Изменяется и облик городов, «подстраиваясь» под новые запросы.

В эпоху глобализации развитие мощного туристического бизнеса обуславливает трансформации, в первую очередь, в сфере обслуживания городов — центров туристической активности. Формируется особая архитектурная среда, отвечающая потребностям туристического бизнеса.

Потребности туриста и свойства туристического продукта. Туризм в настоящее время — это сфера, связанная с получением удовольствий, ярких впечатлений от посещения новых мест, знакомства с уникальными объектами и явлениями природы и культуры. Результатом этой массовой потребности явился новый товар особого типа — туристический продукт, который можно продать и купить. Туристы прибывают в определенные места, чтобы «купить впе-

чатления», увезти их с собой как результат удовлетворения собственных потребностей. Для любого города, нацеленного на развитие туристической составляющей своей экономики, важен именно «туристический экспорт», т.е. «вывоз впечатлений» и получение платы за эти впечатления, которая остается в городе.

Виды туризма. Кроме того, не нужно забывать о том, что сфера туризма активно развивается. Появляются многочисленные виды и подвиды туризма, каждый из которых имеет собственный тур-продукт. Например, экстремальный туризм требует условий дикой, первозданной природы, «городское сафари» нацелено на получение впечатлений от посещения местных трющоб и значных мест. Особую группу составляют впечатления от возможностей создания искусственной среды (Дубай) или интеллектуальный туризм. Популярной формой отдыха стал шопинг.

Каждый вид туризма требует формирования собственной среды.

Архитектурная среда как продукт для туристической индустрии. В число потребностей туриста, удовлетворения которых он ожидает от архитектурной среды, входят следующие: зрелищность и нарративность архитектуры; возможность приключений, связанных с тайнами, соблазнами, неизвестными ритуалами и традициями; удобство и комфортность, возможность получить признанный стандарт обслуживания в любом городе.

В настоящее время постоянно растет социальная потребность в характерных местах с особыми социальными, функциональными и эстетическими характеристиками. Эта потребность переводится в спрос, которому отвечает соответствующее предложение. В результате успешно функционирует рынок привлекательных мест и формируется индустрия по их производству.

В архитектурной сфере появляются новые типы объектов: дизайн-отели, аквапарки, тематические парки, развлекательные мега-центры, аттракционы. Никогда объекты такого типа не были столь массово востребованы, как в настоящее время.

Перемены происходят и в самой структуре городов: исторические центры лихорадочно перестраиваются под взгляд туриста, очищаются исторические здания, перекрываются стеклянными крышами улицы, площади и кварталы для комфортной прогулки по исторической среде. В свою очередь, с окраин городов уходит промышленность и здесь возникают огромные торгово-развлекательные центры.

Музеефикация города. История с ее драматическими событиями становится главным источником построения стратегии развития туристической привлекательности городов.

С одной стороны, это можно оценивать позитивно, так как выполняется задача сохранения объектов культурного наследия, с другой — возникают новые вопросы. Так, например, музеефикация исторических центров с вытеснением из них жилых функций является угрозой для городского развития. Центр города может стать пространством для туристов, но не для жителей города. Любое городское пространство должно воплощать собой жизнь города с его противоречиями и конфликтами. Такое аккуратное вытеснение проблем, искусственная опрятность музеефицированной среды выдергивают участки городской территории из «живого тела» города.

Размышляя об использовании исторических достопримечательностей, нельзя обойти стороной ряд явлений, которые представляют собой своего рода инсценирование исторических мест и своеобразную расстановку «ловушек для туристов».

Историзм: здания-ремейки, перезагрузка и другое. Конструирование архитектурной среды для туристического бизнеса часто идет по типу «фабрика традиций». Эта индустрия производит пользующиеся спросом «архитектурные эмуляции»¹, т.е. копии тех или иных реальных или вымышленных идеальных мест. Но это не просто копии, они улучшены, отфильтрованы, очищены, приспособлены к требованиям современного комфорта и удобства. Это пространства, которые визуально воспроизводят найденные где-то в мире качества произвольных, мнимых или реальных мест.

Одной из целей реконструкции столицы Германии стало развитие туризма, что вызвало необходимость создания визуального ряда архитектурных сюжетов и образов, несущих историко-культурное значение («Берлин должен выглядеть как Берлин»). Традиционная городская структура как средство получения нового эстетического опыта становится способом привлечения туристов. Этот процесс уже воплотился во внутренних дворах кварталов центрального района Митте, коммерциализированная архитектура которых базируется на мифе, по которому эта зона была такой же в довоенный период. В попытке воссоздать Берлин в его довоенном облике происходит, по утверждению американского архитектурного критика Дж. Уарда, «опрятное выталкивание всех разрушений города, вызванных нацизмом, бомбежками военного времени и разделом города в период холодной войны. Применение «критической реконструкции» (т.е. сохранение старого плана улиц, размеров участков, материалов фасадов, ограничений в размерах здания) ведет к вымыванию и растворению реальной истории города» [1]. Избранные фрагменты городской среды восстанавливаются в соответствии с критериями необходимой иконологии для привлечения индустрии туризма.

Попытаемся систематизировать эти попытки создания «исторических поделок»:

1) здания-ремейки. Главной идеей здесь является восстановление утраченного памятника. Например, этнографическая деревня Мандроги под Санкт-Петербургом («погружение в старину»), воссоздание дома Черноголовых в Риге или идеи строительства замка Кёнигсберг в Калининграде, постройки Фаросского маяка в Александрии;

2) строительство неосуществленных проектов. Например, во Франции — постройка церкви св. Петра в Фермини по проекту Ле Корбюзье;

3) вариант «архитектурная перезагрузка» стал особенно популярен в современной России. Примеров «воссоздания памятников, таких же, только лучше», очень много. Классический случай — реконструкция, а по сути, новое строительство комплекса парка Царицыно в Москве, а также снос и новое строительство гостиницы «Москва» в центре столицы.

Новые достопримечательности: «Вау-архитектура». Кроме использования возможностей исторического прошлого в современных городах неред-

¹ Под эмуляцией (*emulation*) понимается копирование имеющихся образцов с их улучшением и совершенствованием.

ки попытки строительства новых зданий — заведомых достопримечательностей, которые бы стали мощным туристическим магнитом.

Ч. Дженкс называет подобные объекты «здание-достопримечательность» и отмечает, что это «довольно показательный эвфемизм, узурпировавший место прежнего понятия «памятник архитектуры» [2]. Привлечение внимания потребителя любой ценой и выделение в конкурентном пространстве городской застройки — изначальная задача таких зданий. Это особый жанр современной архитектуры. «Здание-блокбастер», как правило, агрессивно и этим привлекает публику, зрителей, туристов.

Удачный опыт строительства музея Ф. Гэри, привлечший мировое внимание к рядовому индустриальному городку в Испании — Бильбао — даже породил новое понятие «эффект Бильбао». Иными словами, это повторение опыта строительства одного «здания-блокбастера», которое привлекло в неизвестный ранее городок толпы туристов.

Повторить чудо превращения никому не известного провинциального городка в глобальный туристический объект мечтают во многих российских городах. Такими попытками повторения «эффекта Бильбао» в России стали проекты строительства Музея современного искусства в Перми, Музея монумента в Якутии и многие другие.

Удобство и комфорт. Массовый турист, с одной стороны, ищет объекты для получения новых впечатлений, с другой — рассчитывает на наличие в новых местах уже знакомой ему сети обслуживания, комфортабельного и безопасного отдыха. Такой «человек мира» сочтет для себя особенно удобным гостиничный номер в известной ему сети отелей, которые не преподнесут ему неприятных сюрпризов ни в Лондоне, ни в Москве, ни в Сочи, ни в Волгограде. В сетевом ресторане он почувствует облегчение, просматривая меню со знакомыми названиями блюд, и не усомнится в их качестве. Недаром рестораны «Макдоналдс», несмотря на критику, стали символом присоединения к единому мировому пространству общественного питания и своеобразным знаком глобализации городов. Делать покупки такой потребитель скорее пойдет в торговый центр, марка, внешний облик и внутреннее оформление которого похожи на торговые центры, к которым он привык дома. Такая знакомая потребителю «глобальная архитектура» отражает функциональные запросы международного бизнеса, мира финансов, сферы производства, индустрии путешествий и гостеприимства, отдыха и развлечения. Туристическая индустрия конструирует новую архитектурную среду городов.

Еще одним требованием туристической индустрии к городским пространствам является многофункциональность, т.е. совмещение в одном месте широкого спектра удовольствий и развлечений. Например, международные аэропорты давно уже стали не просто транспортными объектами, а одними из самых успешных мировых торговых центров.

Унификация мест как результат массового туризма. Начиная с 1980-х гг., за последние тридцать лет, популярность городского туризма резко выросла, превосходя например, загородный отдых.

Тенденции развития массового туризма приводят к парадоксальным результатам. Место, ставшее привлекательным для туристов, не остается таким же оригинальным, каким оно было до начала туристического нашествия.

Уникальное заменяется стандартным. Происходит своего рода «стирание пространства».

Таким образом, результатом воздействия туристической индустрии на город является, как это ни парадоксально, некоторая унификация, гомогенность городских пространств. К таким одинаковым («над-территориальным») объектам относится «сетевая архитектура» (сети гостиниц, ресторанов, торговых центров), часто принадлежащая сфере обслуживания, к которой предъявляются унифицированные стандарты комфорта и безопасности.

Глокализация. Еще одно направление изменения городской среды и облика городов связано с явлением, которое получило название «глокализация». Возможность быстрого воспроизводства любых культурных явлений и объектов практически в любой точке земного шара обеспечивает распространение локальных культурных форм. Местные культурные особенности не исчезают в процессе глобализации, они сами «отправляются в путешествие» и распространяются по миру. Не только люди, но и вещи, принадлежащие различным локальным культурам, начинают покидать места, где зародились, и отправляются путешествовать. Китайскую кухню можно попробовать не только в Китае, но и в Москве или Екатеринбурге. И если задать вопрос о том, в каком архитектурном контексте китайская еда будет особенно вкусна, то совсем не обязательно в ответ мы услышим: «В китайском городе».

Приезжая в такую необычную, казалось бы, страну, как Таиланд, туристы вдруг обнаруживают, что не воспринимают тайские города как совсем экзотические. Оказывается, что эти города уже несут образы современной «глобальной архитектуры» западного происхождения и одновременно многое «аутентично тайское» уже может быть хорошо знакомо туристу из Нового или Старого Света, потому что он познакомился с этой экзотикой или в своем родном городе или, например, во время путешествия в Париж или Берлин.

Строгая оппозиция между путешествующим по миру туристом и привязанным к одному месту оседлым населением исчезает. Немецкий культуролог Борис Гройс подчеркивает: «Город больше не ждет туриста — он начинает сам глобально циркулировать, воспроизводиться по всему миру, распространяться по всем направлениям. При этом город движется и воспроизводится заметно быстрее, чем способен передвигаться индивидуальный романтический турист» [3]. Этот факт во многом объясняет распространенное мнение о том, что города все больше становятся похожи друг на друга. Часто оказывается так, что когда приезжаешь в новый город в качестве туриста, то видишь там то же самое, что уже видел во многих других городах. Этот опыт схожести современных городов часто приводит наблюдателя к ложному выводу о том, что локальные культурные особенности исчезли в процессе глобализации. В действительности они не исчезли, а, в свою очередь, отправились в путешествие и начали воспроизводиться и распространяться по всему миру [3]. Современная архитектура городов начинает «путешествовать» по миру быстрее, чем настоящие туристы. Часто она уже находится там, куда турист еще только намеревается приехать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ward J.* The Americanization of the New Berlin // Resource architecture. Main Congress. Report and Outlook. UIA Berlin 2002 e. V. (Ed.). Basel : Boston : Berlin : Birkhauser, 2002. P. 188.
2. *Дженкс Ч.* Новая парадигма в архитектуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.a3d.ru/archi/article.php>.

3. Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2003. № 4(30). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html>.

1. Ward J. The Americanization of the New Berlin // Resource architecture. Main Congress. Report and Outlook. UIA Berlin 2002 e. V. (Ed.). Basel : Boston : Berlin : Birkhauser, 2002. P. 188.

2. Dzhensk Ch. Novaya paradigma v arkhitekture [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: // <http://www.a3d.ru/archi/article.php>.

3. Groys B. Gorod v epokhu yego turistichey vosproizvodimosti [Elektronnyy resurs] // Neprikosvennyy zapas. 2003. № 4 (30). Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.htm>.

© Птичникова Г.А., 2010

*Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.*

УДК 316.647.5:72(1-21)

Т.Я. Вавилова

**АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ
КАТЕГОРИИ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В АРХИТЕКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ
ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ
СФЕРЫ**

Раскрывается понятие толерантности в отношении категории «архитектура». Исследуется возможность формирования нового, толерантного подхода к совершенствованию архитектурной типологии и к задачам территориального планирования в контексте идей концепции устойчивого развития.

Ключевые слова:
архитектура, типология,
толерантность, социальные объекты.

T.Ja. Vavilova

**ABOUT AN URGENCY OF APPLICATION
OF A CATEGORY "TOLERANCE"
IN ARCHITECTURAL TYPOLOGY
OF OBJECTS OF SOCIAL SPHERE**

In the article the concept of tolerance is opened concerning a category "architecture". The opportunity of formation the tolerant approach to perfection of architectural typology and to problems of territorial planning in a context of ideas of the concept of steady development is investigated.

Key words:
architecture, typology,
tolerance, social objects.

Об авторе:

Вавилова Татьяна Яновна —
кандидат архитектуры, доцент,
Самарский государственный архитек-
турно-строительный университет,
8(846)3391442, vatatyana63@yandex.ru

Vavilova Tattiyana Yanovna —
candidate of architecture, docent,
Samarskiy gosudarstvennyy
arkhitekturno-stroitel'nyy universitet

Россия — полиэтническая, поликультурная и поликонфессиональная страна. По данным переписи населения 2002 г., в стране проживают люди более чем 180 национальностей, официально зарегистрировано 49 конфессий (23494 религиозных организаций), 7 политических партий, 119247 общественных объединений, 79988 некоммерческих организаций, 253 филиала и представительства международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций. Развитие рыночных отношений сопровождается активными миграционными процессами и существованием демографических проблем. Численность вынужденных переселенцев и беженцев с начала регистрации (1992 г.) составила 57999 чел. [1]. Параллельно с этим происходит значительное расслоение населения по имущественному положению. Не только в образе жизни отдельных людей, но и в уровне жизни целых субъектов РФ наблюдаются колоссальные отличия. Они являются причинами того, что сложное время социально-экономических реформ сопровождается всевозможными социальными конфликтами. Поэтому проблема толерантности россиян — одна из самых актуальных.

В 1995 г. ЮНЕСКО была предложена следующая развернутая трактовка этого понятия [2]:

«1.1. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2. Толерантность — это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность — это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3. Толерантность — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека.

1.4. Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих убеждений или уступки чужим мнениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим».

Противоположное явление — это интолерантность — проявление нетерпимости к людям на основании самых разнообразных признаков.

Проблема толерантности достаточно глубоко изучена в отечественной философии и социальных науках (А.Г. Асмолов, В.Н. Гуров, Л.М. Дробижева, Н.Н. Зарубина, О.Л. Лейбович, М.С. Мацковский, С.А. Муратов, В.В. Попов, В.С. Собкин, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова и др.).

Наиболее полная классификация видов толерантности была предложена М.С. Мацковским, который выделяет следующие ее сферы [3]:

гендерная толерантность — отсутствие предвзятого и дискриминационного отношения к представителям другого пола;

возрастная толерантность — непредвзятость к априорным «недостаткам» человека, связанным с его возрастом;

образовательная толерантность — терпимое отношение к людям с более низким образованием и наоборот;

межнациональная толерантность — равноценно-уважительное отношение к различным нациям;

расовая толерантность — отсутствие предубеждений к представителям другой расы;

религиозная толерантность — отношение к догматам различных конфессий со стороны верующих и неверующих;

географическая толерантность — непредвзятость к жителям провинции со стороны столичных жителей и наоборот;

межклассовая толерантность — взаимное терпимое отношение к представителям разных имущественных слоев;

физиологическая толерантность — отношение к больным, инвалидам, физически неполноценным людям и т.д.;

политическая толерантность — отношение к деятельности различных партий и объединений;

сексуально-ориентационная толерантность;

маргинальная толерантность — отношение к неблагополучным социальным группам.

Социальные взаимодействия характеризуются наличием пределов или границ определенного отношения к чужим взглядам и особенностям поведения. Это проявляется на всех социальных уровнях: и на государственном (глобальная толерантность), и на личностно-групповом (локальная толерант-

ность). В связи с этим выделяются уровни поведения, которые связаны с понятием публичной выраженности того или иного уровня толерантности-интолерантности.

1. Протекционистская толерантность — проявление открытой поддержки (институтом, организацией или индивидом) человека, группы людей или организаций, которые могут быть подвергнуты интолерантному отношению.

2. Ценностная толерантность — неукоснительное соблюдение принципов толерантности и готовность принятия чужих высказываний и поведенческих актов, отличных от собственных. Предполагается, что принципы толерантности не подвергаются сомнению ни во внутреннем диалоге, ни в коммуникациях, носящих непубличный характер.

3. Скрытая интолерантность — предвзятое и даже нетерпимое отношение к некоторым явлениям социальной жизни, которое не приводит к открытым публичным действиям благодаря пониманию важности принципов толерантности и опасности декларации идей интолерантности.

4. Вербальная интолерантность — возможность и даже необходимость открытых недоброжелательных высказываний в адрес отдельных людей, групп или социальных явлений, но сдерживание каких-либо публичных дискриминационных действий.

5. Агрессивная поведенческая интолерантность — оправдание и совершение действий, направленных на запрет, ограничение деятельности или насилие по отношению к объекту интолерантности. Если субъектом интолерантности является социальный институт, то считается, что это — проявление государственной политики тоталитарного общества.

Архитектура напрямую связана с разнообразными социальными институтами, а эволюция архитектуры отражает развитие и изменение социально-экономических отношений. Приведенная выше классификация, а также шкала уровней поляризации толерантности и интолерантности позволяют связать задачу предотвращения или нивелирования интолерантных общественных отношений с задачей сбалансированного социокультурного насыщения среды жизнедеятельности такими объектами социальной сферы, которые учитывают интересы различных социальных групп населения.

Следовательно, речь может идти о формировании нового, толерантного подхода к совершенствованию архитектурной типологии и к задачам территориального планирования в контексте идей концепции устойчивого развития.

История архитектуры демонстрирует многочисленные примеры воплощения идей социальной толерантности. Толерантный подход как таковой свойственен лишь довольно поздним периодам истории архитектуры — начиная с эпохи Возрождения. Укрепление идей гуманизма вызвало неуклонное развитие социальной сферы и возникновение объектов социальной помощи. Уже в XVII в. наиболее характерными становятся такие типы объектов, как богадельни, вдовьи дома, госпитали, дома инвалидов, сиротские приюты и пр. Это обусловлено общим уровнем гуманности общества по отношению к социальным проблемам, таким, как, например, классовое расслоение. К проектированию и строительству объектов, которые становились образцами воплощения идей социальной толерантности, привлекались такие известные архитекторы прошлых эпох, как Ф. Брунеллески (XV в., Италия, воспитательный дом или приют для детей во Флоренции, 1420—1444 гг.),

Л. Брюан (XVII в., Франция, Отель инвалидов в Париже, 1670 г.), К. Рен (XVII в., Великобритания, инвалидные дома в Челси, 1681 г. и Гринвиче, 1694 г.), Н.А. Фрейлих (XIX в., Россия, Вдовый дом в Нижнем Новгороде, 1883—1887 гг.) и др. В XIX—XX вв. в России и в СССР одним из проявлений толерантности становилась передача наиболее ценных архитектурных объектов для размещения дипломатических миссий и учреждений по развитию международных связей народов. Наиболее ярким примером стало неоднократное размещение в особняке А. Морозова в Москве (арх. В. Мазырин, 1895—1899 гг.) посольств, а в 1959 г. — Дома дружбы с народами зарубежных стран.

Эволюция типов архитектурных объектов, совершенствующаяся в ходе развития социально-экономических процессов, привела к необходимости проектирования и строительства жилых и общественных зданий, в которых учитываются различные аспекты социальной толерантности. Современные нормативные документы РФ, регламентирующие архитектурное проектирование жилых и общественных зданий, содержат ряд требований, которые отражают использование толерантного подхода. Наиболее проработаны у нас в стране требования учета потребностей маломобильных групп населения при проектировании жилых и общественных зданий. Однако в действующей нормативной базе не существует обязательных требований, которые объединяли бы различные аспекты толерантности. Комплексный подход, совокупное рассмотрение проблем предотвращения интолерантности необходимы для такого архитектурно-градостроительного проектирования, которое соответствует актуальным задачам устойчивого развития.

В настоящее время наиболее значимыми с позиций внедрения толерантного подхода являются следующие архитектурно-типологические группы:

- жилые здания и комплексы;
- административные и офисные здания;
- учреждения здравоохранения;
- учреждения образования и просвещения;
- учреждения культуры и искусства;
- учреждения физической культуры, спорта и туризма;
- учреждения социальной помощи и поддержки;
- объекты бытового обслуживания;
- многофункциональные здания и комплексы.

Изучение философских основ формирования толерантного подхода и хода влияния этих идей на обогащение типологического ряда жилых и общественных зданий показывает, что задача целенаправленного практического использования толерантного подхода в архитектурной типологии связана с совместным и укрупненным рассмотрением следующих особенностей:

национально-этнической принадлежности (глобальная толерантность), которая объединяет расовую, межнациональную, географическую и религиозную толерантность;

социального статуса (локальная толерантность), позволяющего объединить политическую, межклассовую, гендерную, возрастную, образовательную, физиологическую и маргинальную толерантность.

Глобальная толерантность может быть реализована, например, в объектах культурной сферы, таких как полиэтничный центр, музей национальной

культуры и искусств, или в объектах сферы образования: мультязыковой учебный центр, школа с углубленным изучением одного из национальных языков и пр.

Локальная толерантность подразумевает более развитую типологию объектов, так как включает в себя широкий диапазон социальных проблем. Объектами социальной толерантности могут быть: центр социализации бездомных, социальные приюты, хосписы, дома престарелых и пр.

Использование предложенного укрупнения позволяет применять толерантный подход на всех структурных уровнях социальной толерантности:

мегауровень, который связан с толерантным подходом государственной политики как совокупности институтов, направленных на поддержание баланса бесконфликтных социальных ситуаций, что должно поддерживаться с помощью развития социальных институтов, а вместе с ними — и соответствующей архитектурной типологии;

макроуровень, связанный с сохранением и умножением материальных и духовных ценностей общества, что в градостроительной деятельности подразумевает тщательно продуманную, гибкую функционально-пространственную организацию разветвленной сети объектов социальной сферы;

микроуровень, связанный с реализацией неотъемлемых прав и свобод человека, его личной безопасностью, что в архитектуре может проявляться в организации комфортной архитектурной среды, безбарьерном пространстве для людей со специфическим социальным статусом (люди с ограниченными физическими возможностями, престарелые и пр.).

Между выделенными архитектурно-типологическими группами и отдельными видами толерантности прослеживается взаимосвязь, которая должна учитываться при разработке инфраструктуры объектов социальной сферы.

Политическая толерантность подразумевает наличие в архитектурной среде открытых и закрытых пространств для деятельности политических партий и объединений. Воплощением этого вида толерантности в архитектуре являются административно-представительские здания (штабы и приемные).

Межнациональная толерантность и религиозная толерантность. В архитектурной типологии эти типы толерантности воплощаются в ряде объектов общественного назначения: образовательных, культурно-массовых, религиозных.

Возрастная толерантность и физиологическая толерантность. Архитектурно-типологическое воплощение этих видов толерантности: пансионаты и дома престарелых, хосписы, специализированные центры для людей с ограниченными возможностями. В дизайне — создание безбарьерной среды, отвечающей интересам людей с ограниченными возможностями.

Межклассовая толерантность и маргинальная толерантность базируются на идеях благотворительной деятельности и постулатах милосердия. В архитектурной типологии это объекты социальной сферы: социальные приюты, столовые, консалтинговые центры.

Гендерная толерантность демонстрируется с помощью строительства объектов, в структуру которых могут быть включены разнообразные функции, предназначенные для мужчин и женщин (вариант — специализированные медицинские учреждения), а также здания и сооружения, задачей кото-

рых является пропаганда семейных ценностей (рекреационные, зрелищные, спортивные и др.).

В эпоху урбанизации актуальность применения толерантного подхода подтверждают исследования некоторых социологов [4], которые отмечают, что высокоурбанизированная среда порождает конкуренцию между социальными группами во всех сферах общественной жизни. Мегалополисам и крупнейшим городам России присуще обострение двух противоречивых явлений: повышенной поликультурной концентрации и динамичного социального расслоения общества. В этой среде население отличается максимальным многообразием стилей поведения, образовательного уровня, морально-нравственных норм и ценностей. Всё это в совокупности создает предпосылки дестабилизации общественного согласия, провоцирует нарастание социальной напряженности и возникновение различных конфликтов. Именно поэтому разработка различных документов территориального планирования должна сопровождаться толерантным подходом к формированию сети объектов социальной сферы.

Существуют многочисленные социальные проблемы, которые могут нивелироваться архитектурными средствами, поскольку социокультурная полнота среды жизнедеятельности является необходимым условием обеспечения устойчивого развития. В мегалополисах это, прежде всего, проблема поддержания межнациональной и маргинальной толерантности. Смещение этносов сопровождается и многоконфессиональностью, так как каждая народность имеет специфические религиозные воззрения. В мегалополисах активнее выражено и имущественное расслоение общества: именно здесь чаще формируются неблагополучные социальные группы: бездомные, нищие, наркоманы и т.д. Наиболее естественная реакция населения на присутствие в обществе представителей этих групп — открытая агрессивная интолерантность. Средство ее реального сдерживания — сбалансированное развитие сети объектов социальной сферы и обогащение их типологии.

Отметим, что идеи толерантности все чаще находят отражение в проектировании уникальных объектов социальной сферы. В их числе такие произведения современных архитекторов, как интернациональная начальная школа в Калифорнии (США, арх. Morphosis, 1999 г.), университет иностранных языков в Дайляне (Китай, арх. Киокацу Араи, 2000 г.), школа для физически и умственно отсталых детей в Хербрехтингене (Германия, арх. Бениш, Бениш и Партнер, 2001—2004 гг.), центр реабилитации больных раком в Нью-Йорке (США, арх. бюро SOM, 2006 г.), дворец Мира и Согласия в Астане (Казахстан, арх. Норманн Фостер, 2005—2006 гг.), Центр мира Переса в Яффе (Израиль, арх. М. Фуксас, 2008 г.), многие другие общественные здания, а также социальное жилье в различных странах.

Представленная статья является попыткой развития системы теоретических основ и понятий градостроительства и фундаментальной архитектурной типологии, что позволяет использовать отдельные положения в теории и практике реального и экспериментального территориального планирования и архитектурного проектирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральная служба государственной статистики. Публикации. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/issWWW.exe/Stg/d1/02-07.htm.

2. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Век толерантности : науч.-публиц. вестник. 2001. Вып. 1-2. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/p-mag-last.shtml>.

3. *Мацковский М.* Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности : научно-публицистический вестник. 2001. Вып. 3-4. Режим доступа: <http://www.httolerance.ru/p-mag-last.shtml>.

4. Незваные гости? Проблема этнической толерантности в большом городе // Век толерантности : науч.-публиц. Вестник. 2002. Вып. 5. Режим доступа: <http://www.httolerance.ru/p-mag-last.shtml>.

1. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Publikatsii. Rezhim dostupa : http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/lssWWW.exe/Stg/d1/02-07.htm.

2. Deklaratsiya printsipov tolerantnosti. Utverzhdena rezolyutsiyey 5/61 Generalnoy konferentsii UNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda // Vek tolerantnosti : nauch.-publitsist. vestnik. 2001. Vip. 1-2. Rezhim dostupa : <http://www.tolerance.ru/p-mag-last.shtml>.

3. *Matskovskiy M.* Tolerantnost kak ob'yekt sotsiologicheskogo issledovaniya // Vek tolerantnosti : nauch.-publitsist. vestnik. 2001. Vip. 3-4. Rezhim dostupa : <http://www.tolerance.ru/p-mag-last.shtml>.

4. Nezvanniye gosti? Problema etnicheskoy tolerantnosti v bolshom gorode / O. Leybovitch, O. Lisenko, A. Kabatskov, N. Shushkova // Vek tolerantnosti : nauch.-publitsist. vestnik. 2002. Vip. 5. Rezhim dostupa : <http://www.tolerance.ru/p-mag-last.shtml>.

© *Вавилова Т.Я., 2010*

*Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.*

УДК 711.4.01

Г.Е. Игнатов

**АНТИНОМИИ «ГОРОДА-САДА»
И «ГОРОДА БАШЕН»
В ПРЕДДВЕРИИ СОЦИАЛЬНЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ XX ВЕКА**

Рассматривается амбивалентность утопического сознания, сформировавшаяся в философии иррационализма и протофутуризма конца XIX — начала XX в., изучаются вопросы становления и конструирования образа «города будущего» как проблематизации социопро пространственного благоустройства. Проводится параллель между утопическим сознанием и проектным мышлением, формирующим план организации будущего бытия.

Ключевые слова:

город будущего, сады, башни, техноутопия, мегамашина, белизна, бездна, проектное сознание, футуризм, урбанизация.

G.E. Ignatov

**ANTINOMYS OF "GARDEN-CITY"
AND "CITY OF TOWERS"
IN THE 20th CENTURY SOCIAL
EXPERIMENTS ANTICIPATION**

The article describes an ambivalence utopian consciousness created philosophy wastage and proto-futurism of the end of 19th, early 20th century. It investigates the development and design of the "future city" image as the problematic of the socio-spatial arrangement. It draws a parallel between utopian consciousness and design thinking, shaping the future of life. "Flash back" is a new project history and modernity in the light of the "projections", refers to it as the "new vision", a reading-reconstruction of versions of what was and what happened.

*За Левиафаном светится стезя,
Бездна кажется сединой.*

Г. Мелвилл [1]

*Искусством создан тот великий
Левиафан, который называется
государством (по-латыни
Civitas) и который является лишь
искусственным человеком.*

Т. Гоббс [2]

Левиафан — эсхатологический персонаж — морское чудовище из финикийской мифологии. Данный труд Томаса Гоббса¹, включающий в себя четыре части: «О человеке», «О государстве», «О христианском государстве», «Царство тьмы», лег философским подтекстом фабулы романа «Моби Дик, или Белый Кит» Германа Мелвилла [1], в котором обозначена смерть персидского пророка Зороастра, а в Ницшеанском истолковании — Заратустры [5]. «Всецветная бесцветность» альбиноса Моби Дика оказала огромное влияние на архитектурное сознание как прошлого века, так и века начавшегося, а «Так говорил Заратустра» осталось тайной надолго вперед.

«Суперчеловек» в Ницшеанском развертывании теории эволюции Дарвина явил собой примету времени, обозначив вековую складку, исторический сгиб, крутой трамплин для индустриального скачка, перевоплотившись в мечту о «механическом человеке», мечту о всемогущем роботе, суперкомпьютере, о грядущей «машинизации» бытия и «роторности» сознания в их циклической целостности. Заратустра «говорил», что интенция, стремление и желания «сверхчеловека» с лежащей в их основе «волей к власти» над цифрами, телами и умами есть «критерий оценки» прошлого, настоящего и будущего... Архитектура это выразила через манифесты уже не Заратустры, а Левиафана — «Мафарки футуриста» Маринетти [6]. Отобразила в пространственной антиномии «города-сада» и «города башен» в преддверии Первой и Второй мировых войн и социальных экспериментов XX в.

¹ Hobbes, T. (1588—1679) английский философ, монархист, государственный чиновник. Окончив Оксфордский университет и получив звание бакалавра, начал работать секретарем у Френсиса Бэкона, социал-утописта, автора «Новой Атлантиды» [3]— «Нового Органона» [4].

Key words:

city of the future, gardens, towers, techno-utopia, megamashina, whiteness, abyss, project consciousness, futurism, urbanization.

Об авторе:

Игнатов Григорий Евгеньевич - кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна, старший научный сотрудник Межкафедрального научно-исследовательского центра, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, (4232) 633727; 8-924-242-9972, grigoriy.ignatov@vvsu.ru

Ignatov Grigory Evgenevich — candidate of architecture, docent, senior researcher at Inter-Departmental Science Research Center, Vladivostok State University of Economics and Service

Техника в конце XIX в. стала основой целеполагания футурдвижения, превратив технические средства жизнеобеспечения в смысл бытия. Льюис Мамфорд назвал это явление культом Мегамашины, который представляет собой по существу «изобретение» нового «имени» для старой социальной структуры, иерархически подчиняющейся единому тоталитарному центру, воплощенному в суверене, монархе, верховном правителе, которому абсолютно подчинены надзорные политические, экономические, военные и бюрократические «рычаги» управления [7].

Город как Мегамашина — механистическая метафора невидимой конструкции, социальной пирамиды², составленной из живых винтиков и их покровов, каждому из которых предназначается определенная функция, технологическая роль и экономическая задача; все они подчинены бюрократизированной системе управления из единого центра, обладающего абсолютной властью.

С другой стороны, неуправляемый, разрастающийся промышленный город, антисанитарный и антигуманный, утративший во власти монархии порядок, стал настоящим проклятием конца позапрошлого века. Раньше всего и ярче всего явил миру свое «каннибальческое лицо Квикега» Лондон — Левиафан, как характеризовал его Ф. Достоевский: «город языческого Апокалипсиса»³.

² М. Фуко вспоминал о «Паноптикуме» Иеремии Бентама (конец XVIII в.). Паноптикум, по проекту Бентама, — это архитектурное сооружение, реализующее следующий принцип: в центре должна находиться башня, а по периферии — кольцообразное здание. Достаточно в центральную башню поместить надзирателя, а в каждую комнатку — осужденного, больного, сумасшедшего, рабочего или школьника, чтобы был обеспечен полный надзор. Надзиратель, благодаря проникающему свету, может видеть в каждой комнатке-камере силуэт находящегося там человека и следить, ведет ли он себя как положено и занимается ли предписанным делом [8]. Принцип темницы переворачивается как лента Мебиуса. Вместо лишения света — постоянное пребывание на просвете и под взглядом надзирателя. «Быть на просвете» — вот суть нового вида Архитектуры стекла и бетона.

³ Ф.М. Достоевский писал о Лондоне: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо векового духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал... Английские поэты испокон веку любили воспевать красоту пасторских жилищ в провинции, осененных столетними дубами и вязами... Но когда проходит ночь и начинается день, тот же гордый и мрачный дух снова царственно пронесется над исполненным городом. Ваал не прячет от себя, как делают, например, в Париже, иных диких, подозрительных и тревожных явлений жизни. Бедность, страдание, ропот и отупение массы его не тревожат нисколько. Он презрительно позволяет всем этим подозрительным и зловещим явлениям жить рядом с его жизнью, подле, наяву» (выдел. мной — Г.И.) [9, с. 213].

Поэтому есть историческая логика в том, что именно в промозглом лондонском смоге родилась утопия «идеального» города принципиально иного рода — «города-сада». Но это всего лишь внешний признак проблемы. Глубинный смысл заключался в принципиальном неприятии технического прогресса художественно-консервативным сознанием Туманного Альбиона. Прежде всего, эта рефракция наложилась на авторитетнейшую фигуру Джона Рескина⁴.

Утопия сознания раздвоилась. Мечта о «Городе небоскребов» пересеклась с парадигмой «города-сада».

«Города-сады будущего» — так называлась знаменитая книга, опубликованная английским социологом-утопистом Эбенизером Говардом, в которой он сформулировал свою концепцию идеального города [10]. Среди предшественников самоучки Говарда были и «классики» социальных утопий Роберт Оуэн и Шарль Фурье, и Герберт Спенсер, автор современной «теории социальных институтов», убеждавший в необходимости национализации земли, и революционер, теоретик анархизма Петр Кропоткин, настаивавший на тезисе, что «технический прогресс заменит крупные промышленные заводы небольшими мастерскими», а также социолог-исследователь Лондона Чарльз Бут и др.

Говард провел молодость в США, попробовав свои силы в фермерстве, где «Акт о свободном заселении» дал каждому право на бесплатный участок земли. Достаточно долго жил он на родине «городов-небоскребов» Чикаго и видел зарождение нового района или пригорода *Riverside* в 10 милях от центра, который, в процессе восстановления после страшного пожара 1871 г.⁵, именовали «*городом-садом*».

Отталкиваясь во многом от трудов Кропоткина и «эволюционной теории» Спенсера, Говард задал совершенно иную логику суждений о городе, где на первый план вышли не конвенциональные и экономические соображения, а проектные принципы эгалитарной организации жизнедеятельности социума. Технологичность и экологическая актуальность утопии стала главным критерием «истинности» его идеи. Этой концепции суждено было сыграть роль конструктивной оппозиции в развитии философских и градостроительных теорий прошлого века.

⁴ Рескин, Джон (1819—1900) — знаменитый английский искусствовед, философ, создатель оригинального этико-эстетического учения. Именно в природе готики виделась ему подлинная мораль искусства будущего, освобожденного от социальной несправедливости. Рескин стремился ввести элементы красоты в повседневную жизнь человека, в его труд и производство. Эти интенции привели Рескина к отрицанию машин и к проповеди свободного облагоустроенного труда, в котором участвуют все духовные силы человека. Отрицая с этой точки зрения современный промышленный строй, он призывал обратно к ручному труду и мечтал о художественном возрождении кустарных промыслов и ремесел.

⁵ Результаты пожара ликвидировались более 20 лет. В это время в Новом Свете уже начиналась подготовка к Всемирной промышленной выставке 1893 г., проходившей в Чикаго, которая стала одной из самых масштабных в истории. Будучи посвящена 400-летию открытия Америки, она была наречена «Колумбовой» (с англ. *World's Columbian Exposition*), и на ней экспонировались действительные «чудеса»: около 200 великолепных зданий — Моби Диковальбиносов, надземная железная дорога, движущиеся тротуары, светящиеся фонтаны, гигантское колесо-качели, ледяная гора, целая «улица удовольствий» с театрами, зверинцами, базами — все это манило и завораживало. Публика могла лицезреть машину, пришивающую по 2 тысяч пуговиц в час на солдатские мундиры.

Первое издание книги под абстрактным названием «Завтра — мирный путь к назревшим реформам» не привлекло интереса консервативной английской публики, но, когда автор во втором издании в конце 1902 г. вынес в заглавие «мистическое» понятие *город-сад*, символическая идея сразу же стала обретать большое число единомышленников, начавших вкладывать громадные деньги в ее реализацию.

Говард исходил из того, что промышленный город экологически болен раковой опухолью. Он представлялся переросшим всякие разумные пределы злобным чудовищем Моби Диком, «городом-левиафаном», поэтому нужно было обратить естественно сложившуюся тенденцию территориально-пространственной концентрации человеческой деятельности, вопреки «законам природы», в ее собственную противоположность. Однако здесь, в данном истолковании, «революции» места не было и «виноват» был в этом эволюционист Спенсер.

По мнению влиятельного философа-дезурбаниста Мамфорда, эта книга больше повлияла на развитие градостроительства, чем любая другая, породив поступательное развитие его теории, воплощавшееся в мировой практике в первые две трети прошлого столетия. Говард причислял себя к социалистам, поскольку долго жил в Чикаго и видел первые майские забастовки рабочих. Секрет успеха одноэтажной Америки заключался в эгалитаризме Говарда, в механическом соединении утопических идей, в отличие от революционных манифестов футуристов-урбанистов, получивших в его изложении успокоительную умеренность, и прагматических предложений⁶, выводимых из анализа негативных фактов бурной индустриализации. Соотнесенность заявленных целей и действий, рекомендованных Говардом для их достижения, постулировалась, но не доказывалась. Однако простота изложения, в котором сложные социальные процессы приводились к простейшим схемам, казалась убедительной для публичного восприятия.

Исходным постулатом Говарда служило убеждение в прямой зависимости между структурой предметно-пространственной среды, создаваемой и воспринимаемой обществом, и характером социальных отношений. Обновленная среда должна была формировать обновленное общество. *Но маргинальность «машинного футуризма» Маринетти не сменилась зеленым «мейнстримом» Говарда.* Ближайшее «будущее» осталось за проектной техноутопией. Всерьез зародившийся в Италии промышленный дизайн отодвинул в тень английскую ландшафтную архитектуру. «Рай небесный» не спустился на «грешную землю». «Завтра», хоть и обозначилось хронологической меткой «утопии будущего», но за свой «мирный путь» к назревшим к тому времени реформам не стало динамичным средством и проектным методом (с древнегреч. *метод — путь*) современной архитектуры и авангардного искусства.

⁶ Сразу после публикации книги Говард создает Ассоциацию городов-садов, которая уже в 1900 г. преобразуется в акционерное общество «Первый город-сад», которое приступило к реализации его утопии. Место для первого «города-сада» было выбрано в 35 милях от Лондона. План города был разработан в полном соответствии с основной идеей и схематическими описаниями, схожими с Атлантидой Платона. Проектировщикам удалось удачно разместить в ландшафте и центральное озелененное пространство, насыщенное разнообразными общественными зданиями, и внешнее кольцо промышленных предприятий. Коттеджи интеллигентов-романтиков и «синих воротничков» были сгруппированы вокруг зеленых патио, живописных рощиц и скульптурных групп деревьев. Свободная от тесноты городских дворов просторная планировка города-сада создавала ощущение человечности и близости к природе.

Промышленная революция, с ее энергичной экспрессией электросвета, мобильностью технических автоматов, динамизмом конвейера и роторной машины, по глубокому убеждению художников — строителей будущего, отравила на свалку истории «нетленные скрижали» правдолюбия и правдоподобия в искусстве и буржуазной эстетике. Самым «красивым» стал «никелированный шарикоподшипник», хотя на само слово «красота» Маяковским был поставлен «nihil». Высшие устремления были связаны с полетами «не во сне, а наяву»: с дирижаблями, аэропланами, лифтами и небоскребами. Утопии «города будущего» уже воплощались в заморских «городах тысячи башен»: в Нью-Йорке и Чикаго.

В ряду футуристических манифестов вслед за литературными и живописными был и чисто архитектурный манифест «элиминации земной гравитации». «Манифест футуристической архитектуры» и серия чудодейственных для проектного сознания рисунков фантастического проекта «Новый город» — это вклад в мировую культуру Антонио Сант'Элиа, таланта, прожившего чуть более четверти века (1888—1916).

Предложенный им идеал города связан с машиной: «Нам надлежит изобрести и воссоздать футуристический город, похожий на просторную шумную стройку, каждый участок которой гибок, подвижен, динамичен, и построить футуристический дом, напоминающий гигантскую машину». В эскизах предложены футуристические фантазии, иллюстрирующие такой «Новый город». Обращает на себя внимание, прежде всего, выбор воображаемых художником объектов. «Это огромные гостиницы, вокзалы, широкие улицы, колоссальные порты, крытые рынки, светлые галереи, прямые проспекты и живительные просторы высвобожденных участков». В изображении этих объектов подчеркнуты элементы, связанные с движением: башни лифтов, эскалаторы, городские магистрали, мостики-переходы над улицами [11, с. 165—167]. По материалам, как сказано в «Манифесте», «это архитектура железобетона, стекла, стали...», а по мысли, — Город будущего...

Благодаря Бергсону, Ницше, Кроче общему направлению мысли, связанной с традицией французского символизма, немецкого пунктуализма (рационализма) и зарождению итальянского футуризма появился новый архитектурный сюжет общественного подъема и взлета личности, ставший типичным для «философии будущего» — мегаполис как коллективное выражение современного индустриального общества. Анархический дух футуризма выразился двояко: в «преодолении» древнего Олимпа как символа истории и в прямом его преодолении как заоблачной вершины — пика социально-технологического развития общества.

Этот исторический манифест «вертикального покорения пространства» резонировал с бурным ростом идентификационного самосознания и небоскребостроения в США. Высотная архитектура в Новом Свете в обличьях стиля ар-деко, который на тот момент уже вырос из национально-стилистических одеяний ар-нуво, югендштиля, либерти, сецессиона и русского модерна, отразила фундаментальный отказ от европейской рациональности и классического типа организации социокультурного пространства. Философия Анри Бергсона с его мыслями о всеобщей текучести, изменчивости, динамизме, также как и «внелогическая интуитивная эстетика» Бенедетто Кроче и, прежде всего, парадоксальная антиутопия «сверхчеловека» Фридриха Ницше, сыграла ключе-

вую роль в формировании концепции идеальных «городов будущего». Именно «городов», «городского образа жизни», поскольку понятие «деревня» выступало синонимом крестьянской «отсталости», а города всегда были очагами идеологического творчества, создающего собственные мифы и утопии.

Синтагма «города будущего» трансформировалась в урбанизированный прогресс, где «будущее — не за деревней, а за городом». Футуристами все дезурбанизированные поселения трактовались как устаревшие. Из мира «невозможного» родилась новая реальность совершенного урбанизма: не «города, а мегаполисы», не «башни, а облакоскребы», что отозвалось в «Манифесте футуризма»⁷. Авторы манифеста стремились развить и расширить динамичное мироощущение грядущего «до заоблачных вершин». Архитектура «элиминации земной гравитации» возвратила себе звание матери всех искусств, звание, возводящее поэтов и художников к новым вершинам творческих достижений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Меллвил Г. Моби Дик, или Белый Кит. М. : Эксмо, 2009.
  2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. Т. 2. М. : Мысль, 1991.
  3. Бэкон Ф. Новая Атлантида. М. : Директ-Медиа, 2002. 68 с.
  4. Бэкон Ф. Новый Органон. М. : Директ-Медиа, 2002. 417 с.
  5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. В.В. Рынкевича ; под ред. И.В. Розовой. М. : Интербук, 1990.
  6. Маринетти Ф.Т. Манифест футуризма // Le Figaro. 20 февраля 1909 г. Режим доступа: <http://m936rea.internet.kemsu.ru/futur.html>.
  7. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества : пер. с англ. / пер. Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 гл.). М. : Логос, 2001. 408 с.
  8. Фуко М. Надзирать и наказывать / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999.
  9. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Собрание сочинений : в 15-ти т. / Ф.М. Достоевский. Л. : Наука, 1989. Т. 4. С. 213.
  10. Howard E. Garden Cities of Tomorrow. 2 ed. London, 1902.
  11. Мастера архитектуры об архитектуре. М. : Искусство, 1972. С. 165—167.
-
1. Melvil G. Moby Dik, ili Belyy Kit. M. : Eksmo, 2009.
  2. Gobbs T. Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo // Sochineniya : v 2-kh t. / T. Gobbs. T. 2. M. : Mysl, 1991.
  3. Bekon F. Novaya Atlantida. M. : Direkt-Media, 2002. 68 s.
  4. Bekon F. Novyy Organon. M. : Direkt-Media, 2002. 417 s.
  5. Nitshe F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo / per. V.V. Rynkevicha ; pod red. I.V. Rozovoy. M. : Interbuk, 1990.
  6. Marinetti F.T. Manifest futurizma // Le Figaro. 20 fevralya 1909 g. Rezhim dostupa: <http://m936rea.internet.kemsu.ru/futur.html>.
  7. Mamford L. Mif mashiny. Tekhnika i razvitiye chelovechestva : per. s angl. / per. T. Azarkovich, B. Skuratov (1 gl.). M. : Logos, 2001. 408 s.
  8. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat' / per. S fr. V. Naumova ; pod red. I. Borisovoy. M. : Ad Marginem, 1999.
  9. Dostoyevskiy F.M. Zimniye zametki o letnikh vpechatleniyakh // Sobraniye sochineniy : v 15-ti t. / F.M. Dostoyevskiy. L. : Nauka, 1989. T. 4. S. 213.
  10. Howard E. Garden Cities of Tomorrow. 2 ed. London, 1902.
  11. Mastera arkhitektury ob arkhitekture. M. : Iskusstvo, 1972. S. 165—167.

© Игнатов Г.Е., 2010

Поступила в редакцию в октябре 2010 г.

⁷ Ф.Т. Маринетти опубликовал первый «Манифест футуризма» 20 февраля 1909 г. в парижской газете «Фигаро». В России он был переведен с французского и напечатан через две недели в газете «Вечер» 8 марта 1909 г. [6]. В 1914 г. он написал теоретический трактат о художественном языке архитектуры и литературы «Великолепные геометрии и механики и новое численное восприятие».

УДК 316.334.54:728(4)

О.В. Королева

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**

Рассматривается эволюция социального жилья в европейских странах на протяжении XIX—XX вв. Выделены этапы его возникновения и развития, выявлены принципы архитектурно-пространственного формирования.

Ключевые слова:
социальное жилье, архитектура, архитектурно-планировочные принципы, Европа, урбанизм, дезурбанизм, рабочие поселки, жилище

O. V. Koroleva

**HISTORICAL ASPECTS
OF FORMATION OF SOCIAL HABITATION
IN THE WESTERN EUROPE**

In the article evolution of a social habitation in the European countries is considered. Stages of its occurrence and development are allocated, principles of an architectural-spatial formation are revealed.

Key words:
social housing, architecture, architectural and planning principles, Europe, urbanism, deurbanize, workers' settlements, housing.

Об авторе:

Королева Оксана Викторовна —
архитектор, соискатель,
ВолГАСУ,
8 917 844 62 16,
korolevaoksana07@yandex.ru
Korolyova Oksana Viktorovna —
architector, degree-seeking student,
VSUACE

Социальное жилье — это жилье, предоставляемое средне- и малообеспеченным социальным слоям населения на условиях найма или аренды, право собственности на которое принадлежит государству или муниципалитету.

Социальное жилье появилось сравнительно недавно, но оно является важным элементом структуры современного города. В процессе развития европейского общества под воздействием экономических, социальных, культурных факторов и исторически сложившихся национальных особенностей произошла эволюция самого понятия социального жилья. При формировании системы принципов современного социального жилья в западноевропейской архитектуре на первый план вышли экология, комфорт, экономичность и доступность для широких слоев населения [1].

Рассматривая исторические аспекты формирования социального жилья в Европе, можно выделить следующие основные этапы его возникновения и развития.

1-й этап. Возникновение архитектурной концепции социального жилья в европейских странах (XIX — начало XX вв.). Первые предложения по созданию новой среды проживания для рабочих появились в XIX в. В это время по Великобритании прокатилась целая волна предложений, направленных на улучшение рабочих поселков. Одни из первых появились в Великобритании в первой половине XIX в. Например, архитектором Моффатом в 1845 г. были разработаны проекты озелененных поселков вокруг Лондона. Появились и реализованные проекты фабричных поселков, такие, например, как поселок при текстильной фабрике в Йоркшире (арх. Локвуд и Моусон).

В Германии также шло новое строительство жилья для рабочих. Среди прочих выделяются поселки Кроненберг и Шедерхоф (арх. П. Шмоль), построенные в окрестностях Эссена. Дома в них состояли из одной или нескольких квартир и были оборудованы водопроводом и канализацией. Опыт английских и немецких архитекторов в области жилой архитектуры стал предметом изучения и использования архитекторами разных стран.

Решающую роль при создании таких поселков играл экономический фактор. Однако, несмотря на минимальные параметры жилых домов,

в этих поселках была развитая инженерная инфраструктура с использованием самых передовых технологий своего времени. Строительство таких жилищ по мере роста численности населения становилось все более важной отраслью архитектуры.

2-й этап. Воплощение в жизнь идей «урбанизма» и «дезурбанизма» (1920—1930-е гг.). После Первой мировой войны создание доступного жилья по приемлемым ценам стало приоритетным направлением государственной политики всех развитых стран. В этот период перед архитекторами были выдвинута новая задача — строительство жилых комплексов с экономичными типами квартир, которые должны были решить жилищную проблему для средне- и низкооплачиваемых категорий рабочих.

Именно в этот период с особой отчетливостью сформировались основные теоретические направления градостроительства, условно объединяемые понятиями «урбанизм» и «дезурбанизм». Развитие дезурбанистических тенденций было связано с идеями города-сада Э. Говарда. Наиболее последовательным выразителем урбанистических тенденций начиная с 1920-х гг. выступил французский архитектор Ле Корбюзье. Он выдвинул идею застройки города высотными домами с большой плотностью населения и геометрически организованной сетью транспортных артерий, тем самым наметив новый масштаб и пространственную организацию городов XX в. Переплетение этих двух концепций повлияло на практику жилищного строительства.

В развитие новой архитектуры жилища в 1930-х гг. существенный вклад внесла Швеция [2, 3]. В этой стране произошли серьезные изменения в традиционном подходе к проектированию, а именно:

переход к рациональной планировке и оборудованию квартир, проектирование квартир со сквозным проветриванием;

переход муниципалитетов и кооперативов к строительству жилых домов с узким корпусом глубиной 8...10 м и светлыми лестничными клетками, обслуживающими две квартиры на каждом этаже;

отказ от лифта как экономически не оправданного;

распространение нового типа жилого здания — дома-пластины с протяженным корпусом в три этажа;

характерной чертой городских квартир становится компактность;

для каждой функции выделяется особое пространство;

обеспечение гибкой планировки квартир в домах с узким корпусом;

создание для новых типов домов рациональных конструкций.

Стандартизация элементов и использование однотипных жилых корпусов стали основой строчной застройки.

Важным шагом в шведском жилищном строительстве второй половины 1930-х гг. было создание так называемых «коллективных домов» с коммунальным обслуживанием жильцов и домов для особых групп населения: одиноких, молодых бездетных семей и престарелых.

Многие крупные проекты жилых комплексов того времени являлись результатом предварительной исследовательской работы. В ряде западноевропейских стран были созданы специальные научно-исследовательские организации, занимавшиеся разработкой проектов экономичной квартиры с встроенным оборудованием, рациональной планировкой и оборудованием кухни, а также вопросами ориентации жилого дома, звукоизоляции, инсоляции и

сквозного проветривания квартир. Изменился архитектурный облик и сам тип жилого дома. Появились галерейные дома, многоэтажные дома с двухэтажными квартирами, дома коридорного типа. При этом в разных странах был весьма различен и характер размещения жилых зданий в городе. Так, в Великобритании многоэтажные блоки жилых домов строились преимущественно в реконструируемых городских районах с высокой плотностью населения, но особенно широко велось коттеджное строительство на окраинах. Во Франции и Германии многоэтажное строительство велось на периферии городов, в новых районах.

Во многих жилых комплексах 1920—1930-х гг., построенных в различных европейских странах, уже в то время была заложена основа современных многоэтажных (секционных) и малоэтажных (блокированных) жилых домов, в которых были использованы достижения науки и техники и учтены новые требования к планировке, оборудованию и благоустройству квартиры.

3-й этап. Решение проблемы социального жилья в годы Второй мировой войны (1940-е гг.). Под влиянием экономических трудностей произошел ряд существенных изменений в европейском жилищном строительстве.

В военный период во многих западноевропейских странах наблюдался отход от ряда прогрессивных научно-технических завоеваний архитектуры 1920-х гг. При этом основной акцент делался на создание социального жилья, удовлетворяющего самым элементарным минимальным человеческим потребностям.

4-й этап. Развитие концепции социального жилья в послевоенные годы в Европе (1950—1960-е гг.). В Европе, особенно там, где жилищный фонд сильно пострадал от военных разрушений, в послевоенные годы развернулось значительное жилищное строительство. При этом можно выделить ряд основных тенденций, характерных для этого периода:

1) ориентация на удовлетворение прежде всего индивидуальных потребностей человека без учета общественных форм быта;

2) отказ от характерных для 1920-х гг. однородных по социальному составу жителей жилых комплексов, что особенно характерно для Швеции, Дании, Германии, Италии;

3) широкое применение строительной техники, который открывал дорогу для новых архитектурных решений. Это применение каркасной железобетонной конструкции и, как следствие, — здание на столбах, открытое на первом этаже; крыша-терраса с садом на ней; свободный план; ленточное окно; свободный фасад (с несущей стеной-мембраной). В качестве примера приведем «Жилую единицу» Ле Корбюзье в Марселе;

4) использование организации обслуживания населения для создания «соседств», коллективов, формируемых на определенной территории. Выражение целостности «соседства» получило социальное содержание, что особенно наглядно на примере Швеции;

5) стремление к живописности и подчинению пространственной структуры комплексов природному окружению;

6) создание городов-спутников в пригородной зоне; как результат попытки архитекторов вырваться из тисков высокой земельной ренты крупного города.

Таким образом, в послевоенные годы для архитектуры европейских стран характерным стало зарождение новых прогрессивных градостроительных приемов вместо минимальных жилищных параметров в заводских рабочих поселках (единый тип жилища, зачатки сети коммунально-бытового обслуживания и т.д., в городах на смену невысоким домам стали приходить дома-башни).

5-й этап. Концепции социального жилья второй половины XX в. (1960—1980-е гг.). В качестве удачного примера выполнения социальных проектов в этот период можно привести Швецию, где с 1964 по 1974 г. выполнялась государственная программа «Миллион жилищ». На подход к реализации программы сильнейшее влияние оказал опыт развития стокгольмских пригородов, таких как Валлингбю и Орста. Одной из основных целей, лежащих в основе этого подхода, было воспитание «хороших граждан демократического общества». Достичь этого предполагалось путем строительства качественно доступного жилья в районах с развитой социальной инфраструктурой, включающей школы, больницы, церкви, общественные здания, библиотеки и клубы для различных групп населения. Главной задачей авторов программы была интеграция различных социальных групп путем перемешивания арендаторов на одной территории.

В это же время во Франции архитекторами активно велись поиски жилища нового типа. Новые типы зданий появились в процессе обновления старых центров, например в Эвре, где архитектор Жан Реноди создал жилые дома сложной конфигурации, используя озелененные террасы, или в новых городах, таких как Мари-ля-Валле, где Анри Сириани создал неореалистический жилой комплекс. Анри Сириани принял три концептуальных положения в качестве базовых: величие простоты, максимум разнообразия и привлекательность результата [4, 5]. В качестве наиболее удачных проектов Анри Сириани можно привести проекты жилых комплексов Зак-дю-Каналь, Зак-дю-Сегрэ, Ля Курдангль, жилой комплекс Шарко в Париже.

Надо отметить, что уже в этот период экологическая тема начала появляться в архитектуре и градостроительстве многих европейских стран. Экологическая архитектура получила отражение в проектах жилья как частных, так и многосемейных домов. Новшеством в градостроительстве стали экологические деревни, представляющие собой социально-техническую систему с локальной переработкой мусора, канализационных вод, безотходной технологией для тепло- и водоснабжения, энергосбережением, использованием солнечной энергии. Главный принцип формирования их структуры — включение в существующую природную экосистему без ущерба для последней. Одним из наиболее удачных и интересных примеров является расположенная в Стокгольме экодеревня «Каменная горка».

6-й этап. Современные концепции европейского социального жилья. Сегодня одним из основных отличий современной концепции социального жилища является то, что оно предназначается той части общества, которая, оплачивая жилище, соответствующее стандарту, вынуждена тратить больше, чем установленный показатель «экономической доступности».

Отличительными особенностями современного подхода европейских архитекторов к строительству такого социального жилья являются:

- 1) стремление к гармонии с окружающей средой;

2) сохранение целостной исторической структуры городов при строительстве новых социальных объектов в местах, имеющих историческое значение;

3) оригинальность проектов, полная свобода от шаблонов и стереотипов.

В этой связи можно отметить, что наиболее яркими примерами современного социального жилья являются проекты голландских и датских архитекторов. Именно сочетание оригинальных решений с простотой их реализации дает возможность школе голландской архитектуры выделиться на фоне других архитектурных школ Европы.

Изучение многочисленных примеров позволило провести сравнительный анализ по группам стран:

1) Центральной Европы (Германия, Австрия, Франция, Бельгия) [6, 7];

2) Южной Европы (Испания, Италия) [8, 9];

3) Северной Европы (Голландия, Швеция, Дания).

Примеры социального жилья сильно отличаются друг от друга как размерами и планировками квартир, так и набором инфраструктуры, однако служат убедительным доказательством того, что не только жилье для очень обеспеченных слоев общества может стать ярким произведением современной архитектуры.

В ходе проведенного изучения и анализа современных тенденций при проектировании социального жилья в архитектуре Западной Европы нам удалось выявить и сформулировать следующие основные архитектурно-планировочные принципы.

Принцип практичности — подход к использованию современных технологий для разумной и практичной организации жилого пространства (жилой комплекс *Storperigaten* в Норвегии, г. Ставангер).

Принцип экологической ориентированности и ресурсосбережения, подразумевающий применение энергосберегающих технологий и альтернативных возобновляемых источников энергии, использование экологически чистых строительных технологий и материалов, обеспечивающих снижение негативного воздействия на здоровье человека и окружающую среду (деревянная многоэтажка-«хамелеон» в Берлине; сборный жилой дом *Birchway Eco Community* в местечке Хиллингтон в Лондоне).

Принцип сохранения и восстановления культурного наследия — обеспечение охраны исторически сложившихся форм и структур поселений и ландшафта (комплекс социального жилья «Иерусалим» в Брюсселе) [7].

Принцип экономичности — применение энергетически безопасных и недорого стоящих методов строительства и соответствующих экономически выгодных качественных строительных материалов на основе максимального использования местных ресурсов. Социальное жилье для шахтеров в г. Серредо в Испании, «132 Social Housing Block» в Мадриде [8, 10].

Принцип архитектурной выразительности — достигается в результате соединения в процессе проектирования всех имеющихся средств (параметры помещений, конструктивные элементы, строительные материалы) и условий с опытом и талантом архитектора-проектировщика. Формирование художественного образа исходит из композиционного осмысления логики функционального решения здания с учетом последовательного раскрытия воспринимаемой архитектуры (жилые комплексы «Карабанчель 16», «Мирадор» в Мадриде, комплекс социального жилья «VM house» в Копенгагене) [10].

Выводы. 1. Европейская архитектура прошла длинный эволюционный путь, при этом на каждом этапе ее происходила трансформация самого понятия «социальное жилье»: от заводских поселков с минимальными жилищными параметрами до современного экологически безопасного, комфортного и доступного жилья, строящегося в Европе повсеместно.

2. Сегодня экономический фактор по-прежнему играет большую роль в строительстве социального жилья, поэтому на современном этапе одной из основных задач архитектора является минимизация затрат на проектирование. При этом на проектирование все больше влияют экология и образная выразительность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Карташова К.К.* Формирование архитектурно-планировочной структуры городского жилища на социально-демографической основе : автореф. дис. ... д-ра архит. (18.00.02) / Москов. архит. ин-т. М., 1985.
2. *Птичникова Г.А.* Градостроительство и архитектура Швеции: 1980—2000. СПб. : Наука, 1999. 199 с.
3. *Иконников А.В.* Современная архитектура Швеции. М., 1978.
4. Жилой комплекс Нуази-ле-Гран, Франция : [Социальное жилье Анри Сириани для малообеспеченных слоев населения] // Зодчество мира. 2000. № 4. С. 40—43.
5. Жилой комплекс Зак-дю-Сегрэ, Франция: [Социальное жилье Анри Сириани для малообеспеченных слоев населения] // Зодчество мира. 2000. № 4. С. 44—47.
6. Социальное жилье в Германии [Электронный ресурс] / ЗАО «Собственник». (2005—2010). URL: <http://spb.ru> (дата обращения: 20.09.2010).
7. Социальное жилье Европы и крыша с дырками. Серегно [Электронный ресурс] / ЗАО «Собственник». (2005—2010). URL: <http://spb.ru/issue3911.html> (дата обращения 10.10.2010).
8. Social Dwellings in Cerredo [Электронный ресурс] // Частная архитектура : блог (2009—2010). URL: <http://www.magazindomov.ru/2010/05/09/socialnoe-zhil'yo-v-ispanii> (дата обращения 05.09.2010).
9. Жилой комплекс Сереньо. Италия. Residenze Seregno ArchiBall [Электронный ресурс]. <http://sultan-arch.livejournal.com/1266.html> (дата обращения 18.07.2010).
10. Социальное жилье за рубежом: со вкусом и цветом. Гранольерсе [Электронный ресурс] / ЗАО «Собственник». (2005—2010). URL: <http://spb.ru/issue3725.html> (дата обращения 09.09.2010).

1. *Kartashova K.K.* Formirovaniye arkhitekturno-planirovochnoy struktury gorodskogo zhil'ya na sotsial'no-demograficheskoy osnove : avtoref. dis. ... d-ra arkhrit. : 18.00.02. M., 1985.
2. *Ptichnikova G. A.* Gradostroitel'stvo i arkhitektura Svetsii: 1980—2000. Spb. : Nauka, 1999. 199 s.
3. *Ikonnikov A. V.* Sovremennaya arkhitektura Svetsii. M., 1978.
4. Zhiloy kompleks Nuazi-le-Gran, Franciya: [Social'noe zhil'yo Anri Siriani dlya maloobespechennykh sloyov naseleniya] // Zodchestvo mira. 2000. № 4. С. 40—43.
5. Zhiloy kompleks Zak-dyu-Segre, Frantsiya: [Social'noye zhil'yo Anri Siriani dlya maloobespechennykh sloyov naseleniya] // Zodchestvo mira. 2000. № 4. С. 44—47.
6. Sotsial'noye zhil'yo v Germanii [Electronnyy resurs] / ЗАО «Sobstvennik». (2005—2010). URL: <http://spb.ru> (data obrashcheniya 20.09.2010).
7. Sotsial'noe zhil'yo v Evrope i krysha s dyrkami [Electronnyy resurs] / ЗАО «Sobstvennik». (2005—2010). URL: <http://spb.ru/issue3911.html> (data obrashcheniya 10.10.2010).
8. Sotsial Dwellings in Cerredo [Electronnyy resurs] // Chastnaya arkhitektura : blog (2009—2010). URL: <http://www.magazindomov.ru/2010/05/09/socialnoe-zhil'yo-v-ispanii> (data obrashcheniya 05.09.2010).
9. Zhiloy complex Seregno. Italiya. Residenze Seregno ArchiBall [Electronnyy resurs]. <http://sultan-arch.livejournal.com/1266.html> (data obrashcheniya 18.07.2010).
10. Sotsial'noye zhil'yo za rubezhom: so vkusom i tsvetom [Electronnyy resurs] / ЗАО «Sobstvennik». (2005—2010). URL: <http://spb.ru/issue3725.html> (data obrashcheniya 09.09.2010).

© Королева О.В., 2010

Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.

УДК 72.03(430.131)

О.В. Потокина

**БЕРЛИН
КАК КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО**

Рассматривается современная архитектурная история Берлина как отражение социально-политических, идеологических и культурных изменений в XX в.

Ключевые слова:
образ города,
культурно-историческое пространство города,
Берлин.

O.V. Potokina

**BERLIN AS CULTURAL
AND HISTORICAL SPACE**

This article considers with the problems of architectural image of the city of Berlin in the mirror of the modern German history in XX century.

Key words:
image of the city,
cultural-historical space
of the city, Berlin.

Об авторе:

Потокина Ольга Владимировна – научный сотрудник НИИ Российской академии художеств, член Международной ассоциации искусствоведов г. Москва, Пречистенка, 21 herbstvind17@mail.ru

Potokina Olga Vladimirovna – research scientific, RSI of the Russian Academy of Arts, member of International Association of Art Critics, Moscow, Russia

В истории различных городов с древнейших времен и до наших дней отражаются эволюция и особенности обществ и цивилизаций, воплощением образа мышления которых они (города) являются. Материализацию всех идей современности, различных пластов социальных и политических проблем своего времени можно указать среди важнейших составляющих образа города. Воплощение эти идеи получают в материальной форме городской архитектуры и планировки, стилистическое исследование которых отражает ключевые для историка и социолога временные изменения. В этой связи комплексное исследование феномена города в социально-историческом и культурном аспектах, наряду с прочими специальными разработками, является одним из наиболее актуальных направлений. История России в XX в. оказывается теснейшим образом связана с историей Германии, однако область их культурных взаимоотношений в этот период остается не в полной мере освещенной в отечественных исследованиях. Одним из шагов расширения взгляда на широкий круг этих вопросов может стать рассмотрение проблематики развития столицы Германии как особого культурно-исторического пространства.

Культурно-историческое пространство города складывается как пересечение его образно-смыслового плана с материальным обликом. Берлин многолик. За свою историю он успел побывать столицей нескольких империй, был возведен в ранг центра мира, пережил ниспровержение и разрушение и, бурно развиваясь, стал к началу XXI в. одной из главных культурных столиц единой Европы. В каменных объемах зданий, пространных площадях и широких проспектах Берлина не найти ни таинственной атмосферы древних веков, ни пышной карнавальной яркости. В строгости его архитектурных линий сосредоточено настроение иного рода: это и общее духовное устремление в разряженное пространство мысли, парадоксально сочетающееся с бюргерской приземленностью, и тяга ко всему новому, и одновременно традиционализм.

Образ каждого города, постоянно изменяющийся от поколения к поколению, воплощается в архитектуре как в своем материальном теле. Берлин во всем своем многообразии является

новым культурно-историческим пространством. При всем внимании к наследию прошлого наиболее живо переживаемые, яркие и острые черты в его облике и духе запечатлены историей XX в. Как культурно-историческое пространство современный Берлин формировался на всем своем протяжении. Историю этого становления можно подразделить на ряд этапов, связанных со всеми перипетиями германской истории.

Овеянный поэзией «старых добрых времен» кайзеровской Германии первый этап (1900—1918 гг.) уже нес в себе все смуты и мятежи будущих десятилетий. Берлин, утвержденный в 1871 г. в качестве столицы Империи, развивается стремительно. Большое значение в облике его центра играет создание программных для Берлина-столицы архитектурных памятников (Baudenkmal), символически воплощающих государственную мощь. Масштабные, строго симметричные по композиции, богато декорированные Берлинский кафедральный собор (1894—1905 гг., арх. Ю.К. Рашдорфф), Кайзер Вильгельм Гедехтнискирхе, Кайзерин Августа Гедехтнискирхе и ряд других сооружений вносят необходимую пышность в его облик. Их помпезность, при большой доле строгой умеренности, не стремится к украшательству. Своими купольными или башенными завершениями они создали доминанты архитектурного ансамбля центра города, где в целом господствуют устойчивые горизонталы.

Другим полюсом развития столицы-резиденции был бурный расцвет промышленности — основы подъема государственной мощи. Он, вместе с развитием инженерной мысли, дал толчок индустриальному строительству. Применение разных типов стальных конструкций позволило сооружать новые мосты, вокзалы, промышленные цеха. Как образец новой технической красоты близ Берлина появляется известный Штоссензеебрюке (1909 г., арх. К. Бернхард).

Своеобразным откликом на все более осязаемое давление индустриализации и стремительный рост численности населения города стало строительство колоний вилл (Villenkolonie) в его ближайших окрестностях. Одной из первых была колония Николасзее, основанная еще в 1901 г. [1, с. 37]. Важнейшими чертами этого архитектурного движения стали эксперименты с экзотическими формами стилей прошлых эпох и далеких стран в декоре (от Романики до Китая) и особый акцент на гармоническое взаимодействие виллы с природной средой. Каждая вила была наделена собственной яркой индивидуальностью, одновременно воплощая эти общие установки. Активное развитие неотделимых от столицы пригородов останется значительным направлением в градостроительном становлении Берлина.

Общеэпохальной чертой европейской архитектуры первой трети XX в. становится поиск новых форм и дерзновенные попытки их воплощения в живом городском пространстве. Следующий строительный этап (1918—1933 гг.) стал для Берлина ключевым периодом становления. «Восстание масс» (в понимании Х. Ортеги-и-Гассета) определяет внутреннее стремление архитекторов к их как духовной, так и буквальной градостроительной организации. Здесь оно совпадает со сложением нового понимания большого города как целостной, многосложной инфраструктуры жилых зданий, коммуникаций, транспортных линий, природного ландшафта, зон промышленности, отдыха.

Одним из ключевых имен в берлинской архитектуре этого времени является имя Мартина Вагнера (1885—1957 гг.), являвшегося советником по вопросам городского строительства города в 1926—1933 гг. Его идеи, трактующие город как целостность, подобную огромному промышленному заводу, были устремлены в будущее. Вагнер мечтал о формировании «динамической», гибкой градостроительной субстанции, способной развиваться на протяжении долгого периода времени [2, с. 130]. Заложенное им общее направление планировки центральной улицы Александерплатц осталось незыблемым вплоть до наших дней. Правильная организация городского строительства требовала от Вагнера действий на разных уровнях городского хозяйства, сделав его одним из первых городских архитекторов-управленцев, доставив, однако, славу «бюрократического диктатора».

Типическими в облике Берлина становятся многочисленные конторские здания (Bürohaus), предназначенные для учреждений, фирм, магазинов и отмеченные применением новых сталебетонных конструкций. Дома, подобные Колумбусахаусу на Потсдамерплатц, построенному архитектором Эрихом Мендельсоном в 1931 г., множатся. В своих строгих, лаконичных линиях, крайне немногочисленных декоративных деталях при общем впечатлении напряженной собранности конторские здания были сходны с сооружениями частной жилой архитектуры. Так, использование стали и обширных стеклянных поверхностей отличает великолепный дом Стернефельда на Хеерштрассе (1923 г.) постройки того же Мендельсона.

Новейшее претворение и синтез получают мысли архитекторов о вилле и пригороде крупного промышленного центра. Проходящая красной нитью в архитектуре Берлина XX в. идея городского жилого поселка продолжает свое развитие в ряде воплощенных в это время новаторских проектов. Первым из них стал «Белый город» в Райникендорфе (1929—1930, арх. Р.О. Зальвисберг, В. Бюнинг), за которым последовали поселки Сименсштадт (1929—1931, арх. Г. Шарун) и Хуфайзен (1925—1933, арх. Б. Таут, М. Вагнер). Их планировка была определена как стремлением вписать архитектурное пространство в естественный ландшафт, так и организовать комфортное существование каждого «городка», обеспечив его собственной инфраструктурой. Отдельное жилище в духе времени осмыслялось как здоровое, функционально организованное жилое пространство, с удобствами, правильным режимом естественной освещенности, циркуляции воздуха и т.п. В целом это был весьма удачный архитектурный эксперимент.

Этап 1933—1945 гг., связанный с приходом к власти в Германии нацистской партии, завершился катастрофой Второй мировой войны. Напряжение намеренно создаваемого символического поля было воплощено в господствовавшем мистическом по своей природе представлении о новом иерархическом миропорядке, центром которого утверждался Берлин, а точкой схождения всех силовых линий — фигура фюрера. Воплотить во всей полноте эти идеологические конструкции должен был зал собраний Гроссе халле (высота купола 300 м) по проекту Альберта Шпеера (1905—1981 гг.), «придворного» архитектора А. Гитлера. Подготовительные работы к так и не осуществленному проекту начались в 1938 г. Строительство, согласно далеко идущим планам, должно было завершиться к 1950 г. [2, с. 89].

В 1936 г. Берлин становится столицей успешно прошедших XI летних Олимпийских игр; в 1937 г. в театрализованных шествиях и парадах он пышно отмечает свое 700-летие [3, с. 178]. Многочисленные массовые мероприятия того периода явились соединением темы типичной для Берлина градостроительной горизонтальной протяженности с идеологическим посылом к массовому сплочению нации. Во всех многолюдных действиях явственным было стремление к гигантскому, как бы обобщающему масштабу, должному символизировать претензию Третьего рейха на мировое господство. Центральная улица города Унтер ден Линден, после расширения 1936 г., в 1938 г. была украшена пилонами со свастиками, превратившись в важнейшую парадную магистраль.

В 1941 г. на Линден упали первые англо-американские бомбы. В огне войны было уничтожено около 40 % архитектурной массы Берлина, инфраструктура мало пострадала [1, с. 307]. Оккупация войсками союзников стала более сильным ударом для города. Вскоре Берлин как целое распадается на зоны влияния противоположных сил. Следующий продолжительный этап в его истории (1945—1989 гг.) был сложным и противоречивым во всех отношениях.

После победы над нацизмом был выдвинут ряд планов градостроительного преобразования Берлина. Однако присутствие и явное противоборство двух лагерей: западного и советского — уничтожало гармонию архитектурного развития города. Огромное значение на данном этапе приобретала активная позиция советской стороны, которой удалось сформировать в Берлине мощный «восточный» культурный пласт.

Все воздвигнутое советским руководством в Берлине было преисполнено идеей доминирования и направлено на воплощение тяжеловесных идеологических конструкций. 8 мая 1949 г. в Трептов-парке был открыт Памятник воинам советской армии, павшим в боях с фашизмом (скульптор Е. Вучетич, арх. Я. Белопольский) [2]. Ансамбль стал попыткой синтеза всех видов искусств и во многих аспектах перекликается с композицией Мамаева кургана в Волгограде. К сожалению, смешение знаковых (изображение знамен) и реалистических приемов исполнения (моделировка изображений людей) в данном произведении производит впечатление грубого стилистического противоречия. Памятником своего времени явилось новое здание советского посольства по проекту архитектора А.Я. Стрижевского на улице Унтер ден Линден (дом № 63-65), возведенное к 1951 г. и ставшее самым большим зданием дипломатической миссии в городе [5, с. 115]. Акцентом его торжественной архитектурной композиции является высокая башня с флагштоком, увенчивающая ее центральную часть.

Масштабные градостроительные проекты были призваны демонстрировать торжество «лучшего» советского порядка и его «правильность». 21.12.1949 г. в берлинском рабочем районе, жилой массив которого в наибольшей степени пострадал во время войны, был заложен первый камень квартала Сталиналлее (основная магистраль, позже переименована в Карл-Марксаллее). Его архитектурное решение, выдержанное в традиционной стилистике (вплоть до обращения к классицизирующим мотивам построек К.Ф. Шинкеля [6]), но с применением технологических новшеств, было выдвинуто в качестве «новой немецкой архитектуры». Первая часть жилого

комплекса началась с многоэтажного дома типовой постройки на Вебервизе (1950—1951 гг., арх. Г. Хензельманн). Строительство типовых жилых комплексов Сталиналлее было самой известной частью «Программы национального восстановления», одной из главных целей которой было решение проблемы жилищного строительства в послевоенной ГДР. Интересно, что дома на Сталиналлее были подвергнуты осмеянию жителями Западной части города, прозванными росший в течение последующих лет квартал «гигантским крольчатником» и «демонстрацией силы» [2, с. 336].

Тяга к созданию новых архитектурно-градостроительных форм и самодовлеющих в символическом плане знаков присутствия «прогрессивного» советского уклада и в дальнейшем формировали образ и пространство Берлина. Центром «стяжения смыслов» в 1960—1970-х гг. стала одна из крупных площадей Маркс-Энгельсплатц в самом сердце города. Ее доминантой явился огромный Дворец Республики, открытый в 1976 г. (ныне подготавливаемый к сносу), распластаный прямоугольник которого явно предназначен «спорить» с объемом Берлинского собора.

События истории XX в. оставили множество неизгладимых отпечатков в облике Берлина. Важнейшим символом огромного пласта истории стала возведенная в 1961 г. знаменитая Берлинская стена («Die Wand») — укрепленная государственная граница ГДР и ФРГ, протянувшаяся на 43,1 км в черте города [7, с. 71]. Уничтожение этой «заградительной линии» в 1989 г. стало символом окончания этапа, разорвавшего город и нацию на части, и начала воссоединения двух Германий.

Потери и противоречия, гибель и возрождение сосуществуют в образе Берлина. Это город, где все проникнуто острым историческим переживанием — от Колонны победы, надписей советских солдат на стенах Рейхстага до свинцовых вод Шпрее у Музеуминзель, где начался когда-то Берлин, и точеного профиля Нефертити, хранящегося в Старом музее. На современном этапе (с 1989 г.) город, снова ставший столицей единой Германии, осмысливается во всех своих проявлениях — вплоть до реконструированного в 1999 г. архитектором Н. Фостером купола Рейхстага — как город современности. Берлин — это не древние камни-устои, подобные вечным и овеянным сказаниями глыбам Рима. Это камни новой истории, истории не только Германии, но и всей Европы, пропитанные стремлением к обновлению и ожиданием будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрасимов П.* Дом на Унтер ден Линден. Дрезден, 1978.
  2. *Белопольский Я.Б.* Памятник воинам Советской армии, павшим в боях с фашизмом (сооружен в Берлине). М., 1950.
  3. Берлин. М., 2006.
  4. *Bauen in Berlin 1900—1964.* Berlin, 1964.
  5. *Die Metropole: Industrie Kultur in Berlin im 20. Jahrhundert.* München, 1986.
  6. *Karl Friedrich Schinkel: A Universal Man.* New Haven : London, 1991.
  7. *Richie A.* Faust's Metropolis. A History of Berlin. New-York, 1998.
1. *Abrasimov P.* Dom na Unter den Linden. Drezden, 1978.
  2. *Belopol'skiy Ya.B.* Pamyatnik voenam Sovetskoy armii, pavshim v boyakh s fashizmom (sooruzhen v Berline). M., 1950.
  3. Berlin. M., 2006.
  4. *Bauen in Berlin 1900—1964.* Berlin, 1964.
  5. *Die Metropole: Industrie Kultur in Berlin im 20. Jahrhundert.* München, 1986.
  6. *Karl Friedrich Schinkel: A Universal Man.* New Haven : London, 1991.
  7. *Richie A.* Faust's Metropolis. A History of Berlin. New-York, 1998.

Поступила в редакцию в октябре 2010 г.

© Потокина О.В., 2010

УДК 711.4(470.45)

Ю.В. Янушкина

**ТЕНДЕНЦИИ И КОНЦЕПЦИИ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ ГОРОДА В XX в.
(на примере Волгограда)**

Рассматривается влияние основных теоретических концепций советской архитектуры на процесс пространственного развития Волгограда.

Ключевые слова:
пространственное развитие города,
Волгоград, Царицын, Сталинград,
соцрасселение, смыслообраз.

Yu.V. Yanushkina

**TENDENCIES AND CONCEPTIONS
OF EXPANSE DEVELOPMENT
OF THE CITY IN TWENTIETH CENTURY
(as an example Volgograd)**

The author considers the main theoretical conceptions of soviet architecture and their role in the expanse development of Volgograd.

Key words:
spatial development of the city, Volgograd, Tsaritsyn, Stalingrad, socialist settlement, semantic image.

Об авторе:

Янушкина Юлия Владимировна — кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры жилых и общественных зданий ВолГАСУ, 400074, Волгоград, Академическая, 1, iulia.ianoosh@gmail.com

Yanushkina Yuliya Vladimirovna — doctor of architecture, assistant professor of domestic and communal buildings architecture, VSUACE

В последнее время в литературе, посвященной проблеме города, активно обсуждаются факты, иллюстрирующие процессы естественного развития городов [1]. Причем под термином «естественное развитие», или «самоорганизация», понимаются не столько объективные закономерности эволюции градостроительных систем, сколько исторически обусловленные особенности пространственного развертывания конкретного города [2].

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть эти вопросы на примере пространственного развития Волгограда. На протяжении своего развития Волгоград не раз переименовывался¹. Менялись как социально-экономические условия его развития, так и архитектурно-теоретические установки, определявшие его пространственную организацию. При этом тенденции естественной «самоорганизации» города оставались относительно стабильными.

До середины XIX в. формирование Царицына шло в русле развития других городов Нижнего Поволжья. Город, возникший как крепость в 1589 г., с утратой военно-оборонительного значения развивался в виде группы приречных слободских поселений. С постройкой во второй половине XIX в. железнодорожных магистралей, закрепивших тенденции к линейному развитию города, Царицын становится важным транспортным и торговым узлом. В начале XX в. город представлял собой растянувшуюся вдоль берега Волги группу поселений, стихийно формировавшихся при производстве.

При анализе планов Царицына XVII—XIX вв. прослеживается изменение характера его пространственной организации под влиянием природных и социально-экономических условий. Выявляется механизм воспроизводства устойчивой пространственной структуры, сообразно которой осваивалась территория города. Данная структура представлена регулярной сетью жилых улиц с центральным общественным ядром в виде раскрывающейся на Волгу площади. Характерной ее чертой является ограничение с северо-запада полукольцевой магистралью. Сформировавшись в XVII в., данная структура проявляется

¹ Царицын (1589—1925), Сталинград (1925—1961).

с различной степенью подобия как на уровне проектных концепций развития города, так и на уровне их осуществления в различные периоды времени. Это позволяет выделить ее в качестве «структурного инварианта» формирования Царицына — Сталинграда — Волгограда.

На первоначальном этапе своего возникновения «структурный инвариант» функционирует как относительно автономное образование. В процессе социально-экономического развития города происходит функциональное насыщение его ядра. При этом ряд его функций выносится на периферию — формируется узловое пространство, своего рода приграничный центр, что стимулирует процесс воспроизводства исходной структуры. Но буквального тиражирования не происходит. Процесс носит рекурсивный характер, и пространственная структура города предстает как развивающаяся система, подобная самой себе в своих отдельных частях.

Изучение истории формирования Царицына — Сталинграда — Волгограда показывает, что смысловые трансформации являются основным фактором, задающим масштаб и способ воспроизводства исходного структурного инварианта формирования города [3].

В начале XX в. Сталинград, как уже отмечалось, представлял собой линейную группу поселений, стихийно формировавшихся при производстве вдоль берега Волги. К 1929 г. рост промышленного строительства стал значительно опережать естественный рост города. Неопределенность границ городских земель порождала многочисленные конфликты ведомственных организаций, а интенсивный рост города вдоль берега Волги вел к увеличению расходов на городское благоустройство. В этой связи летом 1929 г. было инициировано создание правительственной комиссии по вопросам планирования Сталинграда. Работы по реконструкции города были поручены коллективу Гипрогора под руководством В.Н. Семенова.

На рубеже 1920—1930-х гг. образ Сталинграда трактовался как непосредственное выражение линейно-поступательного движения технического прогресса. Существующая пространственная ситуация легко вписывалась в концептуальную схему поточно-функционального зонирования города-линии Н.А. Милютина (1930), стремившегося разрешить проблему удаления жилищ от мест приложения труда. Данная схема использовалась в Сталинграде с максимальной привязкой к существующей ситуации.

В основу проектирования был положен принцип обобществления всех культурно-бытовых нужд населения. Он основывался на применении коллективных форм жилища в виде типовых структурных элементов — жилкомбинатов. В идее жилкомбината выразилось стремление социологов и архитекторов упростить сложные социальные взаимосвязи и закрепить структуру «нового общества» в архитектурно-пространственной организации городов.

Градостроительную концепцию начали реализовывать еще до окончания проектирования. Конкретизация была поручена лучшим «архитектурным силам СССР»: АСНОВА, ОСА, ВОПРА, Обществу гражданских инженеров, братьям Весниным, И.А. Голосову. В строительстве рабочих поселков принимала участие группа Э. Мая.

Итогом проектирования стал проект «большого Сталинграда» (В.Н. Семенов, Д.М. Соболев и др., 1931), представлявший собой систему пяти городов с населением по 50 тыс. человек. Все города проектировались по еди-

ному принципу — в виде подков, раскрывающихся в сторону Волги. В центре подков располагались общественные учреждения (фабрика-кухня, универмаг, Дворец культуры, Дом советов). Школы и детские сады выносились за пределы жилой зоны, в парки. Последующий рост городов предполагался в незначительных размерах за счет привлечения внутренних резервов, а развитие Сталинграда в целом должно было осуществляться путем создания новых самостоятельных комбинатов и соответствующих им городов на новых участках. Данная система рассматривалась авторами как новый стандарт, наиболее удовлетворяющий все запросы и потребности нового советского города.

Проект Сталинграда 1931 г. стал синтезом концепций урбанизма (Л.М. Сабсович) и дезурбанизма (М.А. Охитович). От урбанистической концепции соцгорода в нем остались принцип обобществления социальных потребностей и структурная организация районов с заданной численностью населения. В пространственном же отношении данный проект фактически отвечал законам развития гибкой планировочной структуры, вытекающей из принципов соцрасселения, пропагандируемых концепцией дезурбанизма. Ее формальное выражение представляла линейная группа поселений, связанная едиными транспортными коммуникациями и предполагающая рассредоточение отдельных процессов производства, где центры обслуживания заменяются сетью обслуживания, что полностью соответствовало тенденциям естественного «саморазвития» Сталинграда. Так, между пространственной организацией проектируемых соцгородов и инвариантом формирования города прослеживается определенное структурно-функциональное соответствие. Налицо полное совпадение теоретических концепций развития Сталинграда с тенденциями его пространственной «самоорганизации», выражающейся в «линейном» воспроизводстве изначального «структурного инварианта» формирования города вдоль Волги.

Но уже в 1932—1933-е гг. намечается конфликт между линейным принципом естественного развертывания Сталинграда и установками на формирование города как централизованного производственного и социально-культурного комбината. Архитектурное выражение данного процесса намечается уже в том, как линия поточно-функциональной схемы Н.А. Милютина начинает свертываться в «подковы» культурно-бытовых центров в предложении В.Н. Семенова. Общественное пространство «концентрируется», приобретая статус центра в архетипическом образе амфитеатра [4].

В 1932 г. Сталинград становится административным центром Нижневолжского края. С «архитектурного оформления» строительства краевого центра, закрепившего переход от проектирования схем соцрасселения к конкретизации общегородского центра, начинается расхождение концепций и тенденций пространственного развития Сталинграда. Проектирование велось ленинградским Обществом архитекторов-художников (А.Е. Белогруд, С.С. Некрасов, И.В. Ткаченко и др.). Принятый к исполнению вариант планировки стал непосредственной иллюстрацией резолюции пленума ЦК ВКП (б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» от 15 июня 1931 г., положившего начало проектированию парадных городских ансамблей.

В середине 1930-х гг. понятия «город» и «социальная реконструкция» перестают отождествляться. Существовавший в профессиональном сознании конфликт между процессуальным, динамичным и объектным, статичным об-

разом городского пространства разрешается в пользу последнего. На первый план выступает проблема формирования целостности городского центра. Представления о городе как «функциональном образовании» уступают место решению архитектурно-художественных задач.

В 1935 г. начинается разработка нового проекта реконструкции Сталинграда, основанного на идее «города-организма», ставшей ядром градостроительной теории сталинской эпохи. Несмотря на название, данная концепция не выражала идею естественного развития города как сложноорганизованной системы, обеспечивающей протекание социальных процессов. Она представляла собой мифологическое отождествление города с живым телом. Тело мыслилось идеально целостным в своей завершенности, и, соответственно, все процессы его жизнедеятельности необходимо было скрывать за совершенством внешней формы городских ансамблей. В формальном отношении это стимулировало использование в качестве архитектурных прототипов произведений греко-римской классики, а в пространственно-смысловом отношении подразумевало ориентацию не столько на связь значимых мест, сколько на разделение внутриквартального и общегородского пространств (периметральная застройка). Подчеркнутое стремление к созданию композиционно целостной системы законченных архитектурных ансамблей полностью отрицало идею развития городской среды. Кульминации подобные устремления достигают в идее города-монумента, рассматривавшей весь Сталинград как законченный и совершенный архитектурный ансамбль, раз и навсегда застывший в своих границах.

Генплан Сталинграда, законченный Гипрогором в 1939 г., предстает как детальная разработка модели идеального советского города. Композиция его центральной части с новым Домом Советов всецело подчинялась установке на формирование, с одной стороны, «непреступных цитаделей обороны», а с другой — нового ориентира на пути к «сердцу» страны [5]. Сталинградский Дом Советов представлял собой воспроизведение уменьшенной копии идеального здания-символа эпохи — Дворца Советов Б.М. Иофана. В проектах архитектора С. Меркулова (1940) прослеживаются явные аналогии с московским прототипом. Так, в профессиональном сознании образ общественного пространства центра города инвертировался: амфитеатр «вывернулся» в пирамиду-зиккурат, демонстрируя переход власти масс в руки единственного зрителя этого «священного действия».

После войны потребность в новых рычагах идеологического воздействия вылилась в разработку градостроительной концепции Сталинграда как памятника Победы. Аксиологическая равнозначность двух композиционных центров (Дом Советов — монумент Победе) и необходимость их различия в пространственном выражении становятся дилеммой проектных поисков. Образ Сталинграда как органичного поселения, созданного для счастья людей, уступает место мемориальному образу города-монумента.

Образно-пространственная структура Дома Советов проецируется на весь город², символически замещая идею города-организма, и начинает играть роль репрезентанта завершенной модели смысловой реальности. От-

² Например, самодеятельное предложение П.К. Булкина по восстановлению Сталинграда как грандиозного монумента Сталину (1946). ВГИММП «Сталинградская битва». Инв. № 1331.

дельное здание начинает трактоваться как функция города, определяющая весь городской ансамбль [6]. Часть становится непосредственным репрезентантом целого, достраиваемого в воображении, где «образ города, его лицо, прежде всего, выражаются центральной частью», где «центр должен подчинить себе весь город, притягивать к себе главнейшие магистрали» [7].

В советском градостроительном искусстве проектирование центрального ансамбля Сталинграда 1940—1950-х гг. является наиболее ярким примером пространственного развертывания здания-символа в город-монумент. В идее города-монумента смысл архитектуры как формы преобразования жизни полностью исчезал. Основной акцент делался на эстетическое восприятие среды сторонним наблюдателем, а не на качестве ее потребительских свойств. В.Е. Масляев, главный архитектор Сталинграда — Волгограда (1958—1985), представлял свой город как город одного поколения на все века: «Мы должны строить город таким образом, чтобы потомство видело, что мы город построили за одно-два десятилетия, что он построен силами и духом одних людей. Тогда он будет красив. Комплекс архитектурный должен быть свидетелем, что все это построено в одно время, по единому замыслу» [8].

Город формировался исходя из противоречивых установок. В вербальном плане идея города-ансамбля предполагала полную органичность его образа, динамично развивающегося и вписывающегося в окружающий ландшафт (город-организм), а на уровне реализации шло воспроизводство классических планировочных схем, игнорировавших сложившийся контекст и превращавших город в «памятник эпохи» (город-монумент), чему сам город упорно «сопротивлялся». Несмотря на то, что Сталинград по генплану трактовался как единое планировочное целое, в действительности это целое распадалось на отдельные части. Сталинград представлял собой цепь городков, разделенных широкими зелеными разрывами оврагов, со своими центрами и выходами к Волге. Найденная система пространственных связей общегородского центра просто тиражировалась на уровне отдельных планировочных районов города.

Продолжая популяризируемую сталинской эпохой линию аналогий архитектуры с биологическим организмом, сопоставим пространственную структуру исторического центра Сталинграда с клеткой как единицей жизни — единицей строения, функционирования и развития организма.

В пространственном развитии Сталинграда Великая Отечественная война сыграла роль, сопоставимую с периодом интерфазы в развитии клеточного организма. Произошло удвоение внутри смыслового ядра сталинской культуры, в результате чего возникла взаимно дополнительная пара: Дом Советов и памятник Победы. Удвоение на смысловом уровне и необходимость отличия в архитектурно-пространственном выражении данной пары стало основной теоретической проблемой советской архитектуры послевоенного периода, положив начало этапу, в рамках которого происходит усложнение системы пространственных связей идеального советского города.

С одной стороны, пространственная структура ансамбля Дома Советов являлась образно-смысловой квинтэссенцией сталинской культуры и представляла собой своего рода хранилище «генетической» информации, иначе, код пространственного развертывания архитектурного смыслообраза эпохи.

С другой стороны, на планах Сталинграда 1930—1950-х гг. на разных масштабных уровнях городской структуры отчетливо прослеживается воспроизводство ее пространственных характеристик, сформировавшихся на стадии «эмбрионального существования города» [9]. Данное структурное образование предстает как своего рода генетический «код», структурный инвариант его пространственной организации, фиксирующий тенденции «естественного» развития города.

«Код» пространственного развертывания архитектурного смысла образа сталинской эпохи и «код» естественного развития города взаимодействуют, определяя все образно-пространственные построения в архитектуре Сталинграда. На разных масштабных уровнях исходный структурный инвариант так или иначе проявляется как на уровне проектных концепций, так и на уровне их реализации и определяет пространственную структуру центра Сталинграда как развивающуюся систему, которая в отдельные моменты своего существования может создавать собственные измененные подобию, взаимодействовать с ними и включать в свою структуру.

Когда Сталинград трактуется как рядовой советский город, структурный инвариант воспроизводится в одном масштабе простым тиражированием. Когда символическое значение города возрастает, его пространство иерархизируется и исходный структурный инвариант синтезируется в большем масштабе. Если проекты 1943—1946 гг. демонстрируют поиск новой смысловой иерархии элементов города в их пространственной взаимосвязи: дом, улица, квартал, где центральный ансамбль выстраивается практически параллельными слоями вдоль берега Волги, умышленно отсылая к центру страны и превращая Сталинград в часть многослойной границы, то проекты 1951—1955 гг. предстают как фаза тиражирования и «измельчания» системы выработанных пространственных связей города-монумента. Подчиняясь естественной самоорганизации города, планировочная структура центра становится более однородной, утрачивая ощущение послонной организации пространства. Исходный инвариант и его производные интегрируются в более масштабную структуру, но при этом сохраняется формальное подобие целого и его частей.

В последующие годы происходит инерционное развитие среды города-монумента. В 1961 г. Сталинград переименовывается в Волгоград, и город развивается как система формирующихся при производстве планировочных районов, разделенных зелеными разрывами. В настоящее время отмечаются тенденции к срастанию отдельных районов, что предполагает реконструкцию старых и формирование новых общественных центров в зеленых разрывах.

Активность современного этапа реконструкции Волгограда требует исключительного внимания к проблемам, связанным с использованием его историко-архитектурного наследия. Обращение к истории формирования города во многом связано с существенными изменениями смысловой реальности последних лет и активизацией поисков культурной идентичности. Ведутся поиски нового образа города: конкурс на новый бренд Волгограда (2004); конкурс на реконструкцию поймы реки Царицы (2008), конкурс на застройку центральной набережной (2008). Все это, так или иначе, затрагивает вопросы приспособления исторического наследия и его взаимодействия с новым строительством.

С одной стороны, современный Волгоград — это выдающийся памятник архитектурного мышления середины XX в. Его пространственное развитие в

XX в. стало последовательным воплощением всех новых градостроительных идей советского времени: сначала линейной группы социалистических городов, затем идей «города-организма» и «города-монумента», складывавшихся в рамках реализации концепции «города-ансамбля». С другой стороны, Волгоград является уникальным примером сложившейся градостроительной структуры линейного типа, считающейся наиболее перспективной системой расселения XXI в.

Социально-политические и экономические изменения обнажили искусственные основания советского градостроительства, актуализировав задачи создания полноценной городской среды. Сегодня создание полноценной городской среды является ключевой проблемой не только архитектуры и градостроительства. Пространственно-смысловое взаимодействие разновременных элементов городской среды активно изучается в культурологии, социологии, философии. Возникает насущная потребность в новом понимании принципов формирования и развития современного города не только на уровне социально-политических и экономических преобразований, но и на уровне общезначимых смыслов архитектурно-пространственных трансформаций городской среды.

Сегодня при разработке реконструктивных стратегий наряду с решением социально-экономических и функциональных проблем требуется выявление особенностей пространственно-смыслового построения городской среды, вытекающих из истории ее формирования. Думается, что новое представление о принципах формирования Царицына — Сталинграда — Волгограда, рассмотренных в контексте взаимодействия тенденций пространственной «самоорганизации» и теоретических концепций пространственного формирования города, будет способствовать разработке долгосрочных прогнозов развития городской среды, различных вариантов ее функционального и смыслового насыщения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Естественное развитие Москвы как исторического города и современная градостроительная практика // Москва 1992—2007. Градостроительная практика : XV Ежегодная конф. СМА [Электрон. ресурс]. Москва, 2007. Режим доступа: http://architector.ru/ai/doc_view.html?102 (дата обращения: 26.01. 2010).
2. Павлов Н.Л. Некоторые закономерности эволюции общественного пространства города Москвы // Градостроительное искусство: новые материалы и исследования. Вып. 1 / отв. ред. И.А. Бондаренко. КомКнига, 2007. С. 387—400.
3. Янушкина Ю.В. Особенности архитектурного формообразования в Сталинграде в историко-архитектурном контексте 1930—1950-х гг. : дис. ... канд. архит. М., 2009. 219 с.
4. Зеленко А. Город ближайших лет // Борьба. 1930. 31 января.
5. Товарищу И.В. Сталину (письмо трудящихся Сталинграда) // Сталинградская правда. 1939. 21 декабря.
6. Аркин Д. К характеристике русского классицизма // Архитектура : сб. ст. по творческим вопросам / под общ. ред. А.Г. Мордвинова. М. : Гос. архит. изд-во, 1945. Вып. 1. С. 68, 73.
7. Плотников А., Симбирцев В. Каким будет Сталинград. Наш проект центра города / Сталинградская правда. 1945. 9 марта.
8. ГАВО, Ф. 6078, Оп.1, д. 24. Стенограмма совещания Сталинградского отделения Союза архитекторов от 7.12.1951.
9. Гутнов А.Э., Глазьев В.Л. Мир архитектуры: Лицо города. М. : Мол. гвардия, 1990. С. 30.
1. Estestvennoye razvitiye Moskvyy kak istoricheskogo goroda i sovremennaya gradostroitel'naya praktika // XV ezhegodnaya konferenciya SMA "Moskva 1992—2007. Gradostroitel'naya praktika". M., 2007. Rezhim dostupa: http://architector.ru/ai/doc_view.html?102 (data obracshenia 26.01.2010).
2. Pavlov N.L. Nekotoryye zakonomernosti evolutsii obshchestvennogo prostranstva goroda Moskvyy // Gradostroitel'noye iskusstvo: novyye materially i issledovaniya. Vyp. 1 / otv. red. I.A. Bondarenko. M. : KomKniga, 2007. S. 387—400.

3. *Yanushkina Y.V.* Osobennosti arkhitekturnogo formoobrazovaniya v istoriko-arkhitekturnom kontekste 1930—1950 : dis. ... cand. arkh. M., 2009. 219 s.
4. *Zelenko A.* Gorod blizhaishchikh let // Bor'ba. 1930. 31 yanvarya.
5. Tovarishchu I.V. Stalinu (pis'mo trudyashchikhsya Stalingrada) // Stalingradskaiya Pravda. 1939. 21 dekabrya.
6. *Arkin D.* K kharakteristike russkogo classicizma // Arkhitekture : sb. st. po tvorcheskim voprosam / pod obshch. red. A.G. Mordvinova. M. : Gos. arkh. izd-vo, 1945. Vyp. 1. S. 68, 73.
7. *Plotnikov A., Simbirtsev V.* Kakim budet Stalingrad. Nash proyekt tsentra goroda / Stalingradskaya Pravda. 1945. 9 marta.
8. GAVO. F.6087, op. 1, d. 24. Stenogramma soveshchaniya Stalingradskogo otdeleniya Soiuza arkhitektorov ot 7.122.1951.
9. *Gulnov A.E., Glazychev V.L.* Mir arkhitektury: Litso goroda. M. : Mol. gvardiya, 1990. S. 30.

© Янушкина Ю.В., 2010

*Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.*

УДК 316.334.56:711.4

Е.В. Карчагин

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Рассмотрены эвристические возможности применения понятия исторической справедливости к контексту городского пространства. На примере отношения к волгоградским топонимам и памятникам выявлены как востребованность, так и неоднозначность понятия «историческая справедливость». Отмечено, что противоположные ценностные приоритеты в отношении исторического прошлого важно обсуждать на коммуникативной основе.

Ключевые слова:

справедливость, историческая справедливость, город, городское пространство, топонимы, памятники, ценности, коммуникация.

E. V. Karchagin

**HISTORICAL JUSTICE
IN THE CONTEXT OF URBAN SPACE**

The article examines heuristic potentiality of the concept of historical justice, applied to the context of urban space. The attitudes to Volgograd toponyms and monuments show the need for the concept of historical justice, and its ambiguity. It is noted, that opposite priorities in relation to the past should be discussed on the communicative basis.

Key words:

justice, historical justice, city, urban space, toponyms, monuments, values, communication.

Об авторе:

Карчагин Евгений Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и психологии ВолГАСУ (8442) 96-99-25, evgenkar@yandex.ru

Karchagin Evgeny Vladimirovich — candidate of philosophy, associate professor of philosophy, sociology and psychology chair, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering

Справедливость — это универсальная категория морально-политического сознания. Но за счет своей универсальности она становится, с одной стороны, формальной и пустой, а с другой — высокочувствительной к контексту. Долгое время считалось, что традиционный контекст справедливости — государство, и только в последние годы стали исследоваться и другие масштабы (начиная от индивида и его семьи и заканчивая глобальным человечеством). В разработке проблемы справедливости в XX в. господствовали теоретики политического либерализма (Дж. Ролз, А. Сен), но их исследования не были напрямую направлены на понятие городской жизни и справедливости, поэтому данную проблематику незаслуженно отодвинули в тень. Но сегодня важен не только общегосударственный масштаб или масштаб эта отдельной личности, но и опосредующий уровень города, где часто как раз и встречаются государство и личность.

Представляется неслучайным, что в классической философии справедливости многие концепции формулировались именно в масштабе города. Практически от самых истоков теоретического осмысления справедливости город выступал в качестве удобной рамки и границы теоретизирования, и представления о справедливо устроенном обществе часто локализовались до отдельного города. Примером этому могут служить Платоновский полис (одновременно город и государство), «Утопия» Т. Мора (федерация из 54 городов), «Город солнца» Т. Кампанеллы. Для всех этих проектов характерно отождествление города и общества, город является здесь государством в миниатюре или даже моделью Вселенной.

Как известно, город представляет собой особую форму концентрации людей на ограниченной территории: замкнутое с относительно четкими границами, достаточно крупное поселение людей, где отсутствует характерное для соседских сельских сообществ личное знакомство друг с другом основной массы обитателей. Важным аспектом городской жизни является регулярность и высокая интенсивность товарообмена и рыночных отношений, служащих удовлетворению жизненных потребностей населения [1]. Соответственно городское пространство — разно-

видность ограниченного социокультурного пространства, где происходит циркуляция социальных благ.

В связи с таким определением городского пространства справедливость понимается как мера (соразмерность) должного для данного человека, группы, общества в целом распределения социальных благ и тягот. Тем самым в городском пространстве присутствуют и реализуются все нормативные области справедливости, касающиеся движения социальных благ и тягот. Таких областей справедливости мы предлагаем выделять семь (по специфике циркулирующих благ): 1) признание, награда и наказание; 2) безопасность и благосостояние; 3) работа и отдых; 4) власть; 5) деньги и товары; 6) информация; 7) религиозная благодать и спасение [2].

Жизнь современного горожанина часто полна несправедливости, насилия, незащищенности, социального и экономического неравенства в доступе к названным благам. Обострение этих процессов с недавнего времени вызвало интерес к этой проблеме, что выразилось в появлении публикаций, которые можно объединить под общей темой «Справедливый город»: *Social Justice and the City* Дэвида Харви (1973), *Justice and the Politics of Difference* Ирис Марион Янг (1990), эссе *Writings on Cities* о «праве для города» Анри Лефевра (1996) и развитие этой идеи в книге *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space* Дона Митчелла (2003). Эти и другие работы, посвященные анализу городской справедливости, тем или иным способом отвечают на вопросы, поставленные С. Файнштейн перед урбанистикой: 1) при каких условиях сознательные люди могут улучшить город для всех горожан; 2) как мы оцениваем, что именно эти результаты действительно будут лучше? [3].

Рассмотрение исторической справедливости в контексте городского пространства позволяет дать пусть частичный ответ на поставленные выше вопросы.

Очевидно, что помимо чисто функциональной разметки городского пространства, существует также и символическая или смысловая разметка, заданная в основном историей города. Для справедливости в целом чрезвычайно важен фактор истории или времени, важно то или иное отношение к настоящему, к прошлому и к будущему. Это отражается, к примеру, в юридическом понятии своевременной справедливости (*protracta iustitia negata iustitia* — отложенная справедливость есть несправедливость).

Согласно концепции Я. Ассмана, каждая культура образует «коннективную» (соединяющую) структуру, действующую в двух направлениях: социальном (нормы и ценности) и временном (история, миф, повествования) [4]. Ассман из справедливости напрямую выводит историю и память: «историческое воспоминание прошлого, как оно возникло на Древнем Востоке, связано с той формой вины и сознания вины, которая соединяется с нарушением клятв и договоров. Благодаря особенной святости клятв история тоже приобретает святость, вменяющую в обязанность помнить о ней». Особая значимость клятв и договоров состоит в том, что они заключаются перед богами. Именно это приводит к «теологизации истории», боги «вмешиваются в человеческие дела именно там, где люди недвусмысленно призывали их ко вмешательству» [4, с. 274]. Бог и народ становятся субъектами истории, заключившими договор, охватывающий всю временную перспективу от начала

времени до конца времен. «*Iusticia connectiva*» превращается в божественную справедливость [4, с. 276]. В этом смысле история — функция коннективной справедливости. Можно сказать, что чрезвычайный статус обязательств не нарушать справедливость перед богами и сакральной сферой заставляет людей помнить и организовывать трансляцию значимых смыслов последующим поколениям.

По всей видимости, затем уже сама история порождает явления и ситуации, требующие интерпретации в терминах справедливости. Модусы справедливого и несправедливого могут рассматриваться в качестве главной опоры противоположно направленных оценок. Фигуры справедливого определяют границы модальностей востребуемой или реализованной легитимности, образы несправедливого — границы модальностей разоблаченной нелегитимности. Наиболее общее понимание исторической справедливости можно задать как строгое соответствие между историческим событием и его отображением в настоящем.

Для определения такого соответствия воспользуемся типологией отношения к истории, предложенной Ф. Ницше в его работе «О пользе и вреде истории для жизни». По мнению Ф. Ницше, существует три типа отношения к истории: монументальный, антикварный и критический. Монументалист видит и ценит в истории только великие и неповторяющиеся события, антиквар — все прошлое одинаково ценным и требует его сохранения; критик привлекает прошлое на суд истории и выносит ему приговор, чтобы иметь возможность жить дальше [5, с. 168].

Проблемы исторической справедливости в контексте городского пространства лучше всего видны на примере отношения к памятникам, к прежним названиям улиц, проспектов, площадей вплоть до имени всего города.

Для Волгограда особенно актуальны споры касательно его названия, дело осложняется тем, что таких потенциальных претендентов на переименование не один, а два: Царицын и Сталинград. Часто можно слышать, что «результатами своей деятельности Сталин, безусловно, заслужил увековечивания памяти о своей деятельности, и историческая несправедливость, совершенная после его смерти — переименование города, носившего его имя, в город Волгоград, должна быть исправлена» [6]. Или что «если уж возвращать исторические имена поволжским городам, то тогда надо вернуться к Царицыну. Это будет справедливо». В частности, летом 2010 г. Царицынский молодежный собор «За Веру и Отечество» обратился к областным и городским властям с просьбой вернуть Волгограду историческое название Царицын. Активисты выступают за наименование Царицын — город-герой Сталинград, по аналогии с официальным названием северной столицы Санкт-Петербург — город-герой Ленинград. Члены собора убеждены, что «возвращение нашему городу его исконного исторического имени будет являться актом нашего исторического покаяния перед предками и Богом, а также восстановлением исторической справедливости» [7]. Как мы видим, сторонники противоположных позиций апеллируют к одной и той же инстанции — исторической справедливости.

Однако еще более ценный материал предоставляет анализ отношений жителей к существующим в городе памятникам, так как можно сказать, что памятники — это сгустки коллективной памяти. Долгое время философская

традиция рассматривала память как воображение. Но такое представление чревато подменой реального прошлого фантазмами и изобретениями. Как утверждает П. Рикёр, «постоянная угроза смещения воспоминания и воображения, вытекающая из этого превращения воспоминания в образ, принимает вид стремления к верному отображению, в чем и состоит истинностная функция памяти» [8, с. 25]. Проблема памяти тесно связана с феноменологией ложного мнения. Многочисленные формы неверного применения выводят на свет фундаментальную уязвимость памяти, обусловленную отношением между отсутствием вспоминаемой вещи и ее присутствием в форме представления. Все виды неправильного использования памяти существенным образом выявляют крайнюю проблематичность этого отношения к прошлому, связанного с представлением [8, с. 89]. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, может обусловить появление несправедливости в этой сфере.

И если говорить о памятниках, то многочисленные памятники Великой отечественной войны воспринимаются как монументальные. Большая часть памятников в г. Волгограде посвящена защитникам Сталинграда. Безусловно, главным монументом, возведенным в память о великом сражении, является всемирно известный Историко-мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане. Это практически сакральное место Волгограда.

Антикварное отношение характеризует восприятие сохранившихся дореволюционных царицынских зданий. Что касается памятников Ленину, то они, по всей видимости, возникли из монументального отношения к деятельности В.И. Ленина, но сохраняются из антикварного или из недостатка критического отношения.

Конечно, многие памятники относятся всецело к сфере воображения и не могут быть рассмотрены с точки зрения исторической справедливости. Примеры типичного «памятника-фантазма» — скульптура ангела-хранителя в сквере Саши Филиппова, фонтан Влюбленных и другие памятники, оценивать которые возможно лишь с эстетических позиций.

Намного сложнее иметь дело с памятниками, где смешиваются историческое событие и социальное воображение. Пример такого памятника — памятник Александру Невскому. Волгоград — второй город в России после Санкт-Петербурга, чьим Небесным покровителем является князь Александр Невский. Считается, что Александр Невский вел переговоры с Золотой Ордой на волжских берегах и здесь же, неподалеку от нынешнего расположения города, был отравлен татаро-монголами. В начале XX в. в Царицыне был построен храм Святого князя Александра Невского после чудесного спасения царя Александра III, чьим духовным покровителем и был князь Александр Невский. В 2007 г. на центральной площади города был открыт бронзовый памятник Александру Невскому работы волгоградского скульптора Сергея Щербакова. Можно с уверенностью сказать, что этот памятник легитимен с точки зрения православных ценностей. Но существует и противоположное мнение о том, что подобный памятник в городе — нонсенс и никакого отношения к истории нашего края не имеет. Такую точку зрения, например, занимают сотрудники городского краеведческого музея, по словам которых символ, заключенный в этот памятник, непонятен и не отвечает историческим реалиям [9].

Наиболее однозначно оцениваемыми можно назвать установленные в недавнее время памятники маршалу Г.К. Жукову (бюст возле музея-панорамы «Сталинградская битва» и скульптура на пересечении проспекта им. Маршала Жукова и ул. Хорошева). Установление этих памятников следует воспринимать как пример действительного восстановления исторической справедливости, так как долгое время в городе на Волге о великом полководце, внесшем огромный вклад в успешный исход Сталинградской битвы, по сути, не было никаких упоминаний. И лишь в последние годы эта историческая несправедливость устранена.

Представленные примеры позволяют вскрыть такой важный аспект исторической справедливости, как проблема оценки. Так, П. Рикёр указывал на важность разработки дискурса и теории «справедливой памяти», рассматривающих злоупотребления памятью или забвением и занимающихся различением истории и фантазий. «Мы можем говорить о верной, справедливой памяти, потому что коллективная память — это память о моральной обязанности осуществлять справедливость или допускать ее воплощение. ...Индивидуальная и коллективная память, способствующая формированию личной идентичности, порождает проблему справедливой памяти» [8, с. 9]. По прошествии времени можно и нужно анализировать исторические события, политические режимы, деятельность субъектов истории.

Но очевидно, что эта задача осложняется сейчас кризисом коллективной памяти и коллективной идентичности. Приведенные примеры различия оценок свидетельствуют о расслоении оценивающего субъекта в отношении событий прошлого. Можно констатировать наличие множества групп, для которых ценны разные исторические эпохи и характерно прямо противоположное восприятие истории. Поэтому критическое отношение (как одна из трех позиций по Ницше) реализуется в крайне раздробленном виде. Переосмысление исторического прошлого производится разными субъектами с разных аксиологических позиций.

Это приводит к необходимости соотнесения противоречивых мнений и интенций и выработки общих решений в случае их конфликта. «Поиск Справедливого города — это нечто большее, нежели искать индивидуализированные ответы на конкретные несправедливости. Он требует создания когерентных фреймов для действия и размышления, которые облегчают множественные и разрозненные усилия тех, кто борется против несправедливых городских условий и соотносят эти усилия между собой как части глобальной оркестровки, строящейся вокруг сольного тенора справедливости» [10, с. 1].

Естественно, что в качестве ключевого агента несправедливости выступают властные структуры города: особенно в процессах планирования, которые имеют возможность подкреплять власть экономических или этнических элит, привилегированного меньшинства. Но они также выступают в качестве потенциальных и эффективных агентов справедливости, так как их решения и действия могут устранить недостатки дистрибуции во многих сферах: транспорт, образование, здоровье, социальные службы и т.д. Город — это достаточно крупный масштаб, для того чтобы правительство имело здесь значительную власть, но все еще мал для демократии, где люди могут действительно влиять на политику [10, с. 6]. Поэтому в равной степени следует подчеркнуть роль как правительственных, так и неправительственных, обще-

ственных организаций в идентификации и адресации вопросов городской справедливости.

В связи с этим представляется необходимым обращение особого внимания на развитие коммуникативной составляющей пространства города, позволяющей обсуждать ценностные приоритеты. Должны создаваться площадки для обсуждения, в рамках которых представители различных сообществ могли бы выносить на рассмотрение свои взгляды и суждения в отношении тех или иных вещей, включая изменение топонимов, снос и установку памятников и зданий. Подобная коммуникативная база позволяла бы придавать принимаемым общим решениям статус более легитимных и справедливых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер М. Город // Избранное. Образ общества / М. Вебер. М. : Юрист, 1994.
2. Walzer M. Spheres of Justice. New York : Basic Books, 1983.
3. Fainstein S.S. The Just City. Ithaca & London : Cornell University Press, 2010. 232 p.
4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 309—310.
5. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Собрание сочинений / Ф. Ницше. М. : Мысль, 1996.
6. За Сталинград! [Электронный ресурс] // Сайт российского Общенародного движения «Курс Правды и Единения». Режим доступа: <http://kob.su/articles/za-stalinghrad>. Дата обращения 30.08.2010.
7. Каперик М. Волгоград хотят переименовать в Царицын [Электронный ресурс] // V1.ru. Новости онлайн : [сайт]. Режим доступа: <http://v1.ru/newsline/303404.html>. Дата обращения 30.08.2010.
8. Рижёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
9. Памятник Александру Невскому в Волгограде [Электронный ресурс] // Чудеса России : [сайт]. Режим доступа: <http://www.ruschudo.ru/miracles/3242/>. Дата обращения 30.08.2010.
10. Searching for the Just City. Debates in Urban Theory and Practice / ed. by P. Marcuse, J. Connolly, J. Novy at al. London and New York : Routledge, 2009. 288 p.

1. Veber M. Gorod // Izbrannoye. Obraz obshchestva / M. Veber. M. : Yurist, 1994.
2. Walzer M. Spheres of Justice. New York : Basic Books, 1983.
3. Fainstein S.S. The Just City. Ithaca & London : Cornell University Press, 2010. 232 p.
4. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya iddenticnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M., 2004. S. 309—310.
5. Nitsshe F. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni // Sobraniye sochineniy / F. Nitsshe. M. : Mysl, 1996.
6. Za Stalingrad [Elekronnyy resurs] // Sait rossiyskogo Obshchenarodnogo dvizheniya "Kurs Pravdy i Edineniya". Rezhim dostupa: <http://kob.su/articles/za-stalinghrad>. Data obrashcheniya 30.08.2010.
7. Kaperik M. Volgograd hotyat pereimenovat' v Tsaritsyn [Elekronnyy resurs] // Sait V1.ru. Novosti onlain : [sayt]. Rezhim dostupa: <http://v1.ru/newsline/303404.html>. Data obrashcheniya 30.08.2010.
8. Rikyor P. Pamyat', istoriya, zabveniyе. M., 2004.
9. Pamyatnik Aleksandru Nevskomu v Volgorade [Elekronnyy resurs] // Chudesa Rossii : [sayt]. Rezhim dostupa: <http://www.ruschudo.ru/miracles/3242/>. Data obrashcheniya 30.08.2010.
10. Searching for the Just City. Debates in Urban Theory and Practice / ed. by P. Marcuse, J. Connolly, J. Novy at al. London and New York : Routledge, 2009. 288 p.

© Карчагин Е.В., 2010

Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.

УДК 316.334.56

А.Г. Кузнецов

**ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА
СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА:
К ИДЕНТИЧНОСТИ
ЧЕРЕЗ ГРАНИЦЫ¹**

Рассмотрена эволюция концепта «идентичность» в истории развития социогуманитарной мысли. Освещена роль чикагских социологов в решении оказавшихся в центре их внимания проблем экологии локальных сообществ, установления, поддержания, нарушения границ между ними, а также проблемы культурной идентичности.

Ключевые слова:
идентичность, тождество, граница,
социологическая наука США.

A.G. Kuznetsov

**CHICAGO SCHOOL
OF URBAN SOCIOLOGY:
TO THE IDENTITY ACROSS BORDERS**

The evolution of the concept "identity" in the developmental history of socio-humanitarian ideas considered. The role of the Chicago sociologists in the decision appeared in the center of their attention to environmental issues of local communities, establish, maintain, trespass between them, as well as problems of cultural identity covered

Key words:
identity, oneness, bounder,
sociological science USA

Об авторе:

Кузнецов Андрей Геннадиевич –
кандидат социологических наук, доцент,
Волгоградский государственный
университет,
socio-polit@mail.ru

Kuznetsov Andrey Gennadiyevich –
candidate of sociology, docent,
Volgograd State University

Сегодня термин «идентичность» прежде всего ассоциируют с социологией и психологией. Однако проблема идентичности носит эпистемологический характер и явно или неявно лежит в основании любой области знания. В социогуманитарном знании можно выделить четыре относительно независимых контекста исследования данной проблематики: философский, логико-семантический, социологический и психологический. Эти четыре контекста распадаются на две пары: 1) философский и логико-математический контексты — здесь данная проблематика изначально является одной из центральных и осмысливается в терминах тождества и различия; 2) психологический и социологический контексты — здесь интерес к данной теме взрывообразно проявился в последние два десятилетия и термин идентичность используется применительно к индивидам и социальным группам. Два этих обширных поля лежат как бы в разных плоскостях, поддерживают автономность друг относительно друга и имеют мало точек соприкосновения.

Эволюцию концепта идентичности можно очертить как постепенное, но масштабное расширение среды обитания. Ниже предлагается грубый очерк этой экспансии. Понятие тождества, обнаруживая свой исток в древнегреческом метафизико-математическом контексте, первоначально не используется применительно к человеческим индивидам, а употребляется в описании трансцендентных сущностей. Оно, с одной стороны, обозначает способность объектов сохранять специфическую сущность с течением времени, а с другой стороны, описывает отношения между объектами в форме однозначного соответствия или конгруэнтности. В этом виде оно заимствуется Платоном и далее проходит множество опосредований и трансформаций (сохраняя, однако, смысловое ядро) через Плотина и неоплатонизм, через Августина и Аквината, от Николая Кузанского и Пико делла Мирандолы до Декарта и Канта. В Древней Греции концепт

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы в рамках мероприятия 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук».

обогащается значением в философии Аристотеля, который использует понятие тождества в отношении классов вещей, и у него оно обретает менее строгий качественный смысл, присущий миру видимостей и подобий [1].

В дальнейшем наблюдается диверсификация экологических стратегий концепта идентичности. Его эволюция продолжается в двух расходящихся линиях мысли. Основная линия проходит в рамках позитивной философии британского эмпиризма, где строгие метафизико-математические понятия распространяются на мир недостоверных феноменальных вещей. Двигаясь в этом направлении, «идентичность» «заселила» территории социальных наук. Иной путь развития, связанный с критическим употреблением понятия тождества, возникает в гегелевской диалектике. Там, где позитивизм стремится распространить термин на психологию, тождество для Гегеля остается только на уровне чистого разума.

Современная история термина «идентичность» берет начало в причудливой конвергенции метафизического значения понятия тождества и нововременной концепции субъективности в рамках британского эмпиризма. Дж. Локк подвергает критике декартовскую теорию врожденных идей и распространяет на психологию пифагорейскую и неоплатоническую версию тождества. В 1950-х гг. Э. Эриксон, используя эту сцепку философии и психологии, способствует окончательному обоснованию «идентичности» в области социальных наук. Развивая идеи эгопсихологов, Эриксон при помощи понятия идентичности подчеркивает значимость социальной среды в становлении личности. С тех пор «идентичность» стала популярной не только в научной коммуникации, но и в повседневном общении.

Наиболее интересным моментом интеллектуальной эволюции «идентичности» является точка сцепления метафизической проблематики тождества и различия с социально-психологической проблематикой идентичности личности. На социальной изнанке этого интеллектуального сплетения обнаруживается, что понятие идентичности, примененное к существованию индивидов, является частью процесса нововременного строительства национальных государств. Первым и основным значением социальной идентичности оказывается значение национальной идентичности [1]. Национальное государство является одновременно и универсальной номинацией, позволяющей осуществить идентификацию человека, и самым крупным (хотя и не единственным) собственником систем идентификации личности. Вместе с тем важную роль в становлении современных национальных государств сыграли процессы урбанизации. Стабильное существование большого количества людей на малой территории (т.е. современных мегаполисов) невозможно без развитых метрологий, позволяющих классифицировать, идентифицировать и стандартизировать индивидов и тем самым управлять населением. В этом ракурсе представляется интересным рассмотреть *mutatis mutandis* проблематику идентичности в перспективе социологии города.

На необходимость изменений указывает современная динамика дискурса идентичности. На рубеже XX—XXI вв. «идентичность» используется в социальных науках очень часто и в чрезмерно разноплановых контекстах, что приводит к инфляции: разбуханию дискурса идентичности и обесцениванию его центрального понятия. Это побуждает исследователей либо постепенно отказываться от идентичности как аналитического инструмента, либо искать

новые подходы к данной проблематике [2]. В этой связи необходимо сначала, учитывая внутреннюю сложность и своеобразие эволюции концепта идентичности, выделить его ключевые смысловые блоки. Таковыми являются: 1) идея стабильности, в контексте которой проблематизируется континуальность, т.е. единство и целостность сущности (не важно, человеческой или нечеловеческой) во временном потоке; 2) идея специфичности, в связи с которой осмысливается артикулированность сущности в отношении других сущностей; 3) идея подобия/различия, где ставится вопрос о критериях и механизмах сравнения сущностей между собой.

Гипотеза данной статьи заключается в том, что проблематику идентичности можно переформулировать путем обращения к понятию границы. Все смысловые блоки концепта идентичности (стабильность, артикуляция, различение) могут быть заново описаны в терминах конституирования, поддержания, нарушения и пересечения границ. Преимущество понятия границы состоит в том, что оно одновременно является релятивистским и позволяет сосредоточиться на материальных условиях производства идентичностей.

Объем статьи позволяет лишь тезисно обозначить основные свойства и компетенции границ: 1) граница есть конститутивный элемент любой целостности, единства (будь это система, сеть или ассоциация). Образование любого единства начинается со слова «нет», с отказа вступать в отношения, смешиваться со всеми подряд элементами мира; 2) граница устанавливает внутреннюю непрерывность целостности путем прерывания свободных отношений с внешним миром; 3) реально то, что сопротивляется. Реальность границы состоит в том, что граница сопротивляется ее пересечению; 4) пересечение границы возможно только на определенных условиях либо вообще невозможно; 5) пересечение границы сопряжено с трансформациями, искажениями, превращениями, извращениями, редукциями; 6) пропуская через себя, окаймляя или фреймируя сущности, граница переквалифицирует, перекодирует или элиминирует их, чем бы они ни были.

Анализ идентичности в терминах границ так или иначе предполагает апелляцию к теории пространственных процессов. Местом обитания такой теории в социальной теории традиционно считается социология города. Чикагская школа (Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи, Л. Вирт) является одним из наиболее значимых интеллектуальных образований, во многом определяющим теоретическую разметку в этой исследовательской области.

Чикагская школа возникла в начале XX в. и сохраняла ведущие позиции в американской социологии до 1940-х гг. Труды Парка и его коллег стали классическим и вместе с тем представляют интерес для многих исследователей сегодня. Становление этой школы проходило в специфических условиях, которые подчеркивают значимость концептов границы и идентичности для ее представителей. История США вплоть до конца XIX в. является историей колонизации. Колонизация предполагала особую социально-экологическую стратегию — экстенсивное освоение новых территорий. Принципиальное значение в этой ситуации имело понятие «фронтiera», внешней границы, за которой находились дикая природа и культура. Это понятие различало освоенное, внутреннее пространство американского сообщества и неосвоенное пространство, которое предстояло завоевать.

К концу XIX в. свободных земель не осталось и экстенсивное развитие достигло своего предела. Наступил конец «фронта», ознаменовавший собой экологический кризис. Фокус социально-политического внимания сместился с внешних пределов общества на его внутренние разграничения. Эта переориентация отчасти и способствовала бурному и специфическому развитию социологии в США [3].

Вместе с тем на рубеже веков Америку захлестнули волны иммигрантов из Европы, что привело к массовой урбанизации и появлению перенаселенных мегаполисов, одним из которых был Чикаго. Новые переселенцы, оставив привычную для себя среду, но сохранившие прежний культурный уклад, образовывали в городах локальные сообщества. Эти сообщества неизбежно вступали друг с другом в противоречия, которые, накладываясь на экономические и политические реалии США, приводили к целому ряду социальных проблем (расовые конфликты, организованная преступность, делинквентность, коррупция и др.). В Чикаго эти проблемы проявились с наибольшей остротой, поэтому вопросы экологии локальных сообществ, установления, поддержания, нарушения границ между ними, а также проблемы культурной идентичности оказались в центре внимания чикагских социологов.

Теоретической рамкой исследования данных явлений стала экология. При этом показательно, что в качестве образца экологических отношений Парк постоянно апеллирует к экологии растений [4]. Именно в экологии растений наиболее четко (в отличие от экологии мобильных животных) проявляются границы между сообществами (колониями растений), и именно в экологии растений в большей мере проблематизируется пересечение, нарушение, передел этих границ. Экология растений как модель социальных процессов позволяет чикагцам поставить мобильность в центр своего внимания и в то же время не принять ее как нечто само собой разумеющееся, не проблематичное, а тщательно исследовать условия ее возможности.

Парк тесно увязывал социальную идентичность, основанную на самосознании, и способность к перемещению. В человеке, по убеждению Парка, все еще много сохраняется от растения, он непременно стремится прикрепиться к какому-либо месту, бросить корни и замкнуться в своей локальной общности. Это стремление приводит к образованию закрытых сообществ на основе расы и этничности. Идентичности, формируемые в этих группах, имеют вид непрозрачных масок-личин с грубыми чертами, не позволяющих увидеть позади них личности с их тонкими различиями. Границы таких групп непроницаемы друг для друга, в основу их взаимовосприятия ложатся неадекватные стереотипы, что и порождает расовые и культурные конфликты. Такой характер групп находит свое выражение в их компактной пространственной локализации.

Парк считает человеческий разум частным случаем перемещения [5]. В фундаменте человеческой свободы лежит свобода перемещения, способность пересекать границы. В основе свободы лежит освобождение от локалистских тенденций. Наиболее свободна в его понимании маргинальная личность, которая не укоренена глубоко в какой-либо определенной культуре и способна понять иное, непохожее на себя. Маргинал способен заглянуть по «ту сторону наших масок» [6]. Однако Парк не отождествляет маргинала с номадом, бродягой, для которого перемещение как таковое является роман-

тическим идеалом. Американский социолог называет бродяг задержавшимися в прошлом пионерами «фронтيرا» [5]. Маргинал же — это тот, кто способен совместить перспективы разных культур, наложить маски друг на друга и избежать тем самым бессмысленных, по мнению Парка, расовых и этнических конфликтов. Маргинал некоторым образом сочетает оседлость и способность к перемещению. Этому, с точки зрения Парка, должны способствовать средства коммуникации (прежде всего пресса).

Социальная идентичность, таким образом, зависит от того, пребывает ли человек неизменно внутри каких-либо границ или же пересекает их. В этой связи социально-политическая программа чикагской школы социологии города подразумевала передел границ и вместе с тем изменение идентичностей. Чикагцы полагали, что необходимо способствовать новому «раскрою» американского общества, так чтобы профессиональные границы между группами стали более значимыми, чем расовые и этнические [7]. Парк и его коллеги считали, что профессиональные группы более прозрачны и проницаемы друг для друга и потому более демократичны. И если такая демаркация групп станет доминирующей, то это снизит социальную напряженность. Важную роль в этом должны сыграть средства массовой информации. Парк показал, что национализм иммигрантской прессы способствует американизации новых членов общества [8]. Локальные идентичности иммигрантов (вестфалец, вюртенбержец, неаполитанец) сменяются более абстрактными национальными идентичностями (немец, итальянец). Обострение национального самосознания способствует преодолению обособленности и открывает возможность получить признание в новом обществе в качестве представителя национальности.

Таким образом, в идеях чикагской школы социологии города можно обнаружить элементы своеобразной политики идентичности, основанной на управлении границами. Идентичность индивидов отличается в зависимости от того, пребывают ли они внутри групповых границ или же обладают способностью/возможностью пересекать границы. Работа границ конституирует идентичности. Операции с границами определяют характер идентичностей. В этой связи чикагцы неявно указывают на возможность социального контроля над идентичностями путем усиления и повышения значимости одних границ (в данном случае профессиональных) и ослабления других (расовых).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ely J.D.* Community and the Politics of Identity: Toward the Genealogy of a Nation-State Concept // *Stanford Electronic Humanities Review*. 1997. Vol. 5. № 2. Режим доступа: <http://www.stanford.edu/group/SHR/5-2/elly.html>.
2. *Брубейкер Р., Кутер Ф.* За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61—115.
3. *Баньковская С.П.* Инвайронментальная социология. Рига, 1991. С. 19—29.
4. *Парк Р.* Экология человека // *Теоретическая социология : антология : в 2-х ч. / сост. и общ. ред. С.П. Баньковской*. М., 2002. Ч. 1. С. 171—184.
5. *Парк Р.* Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения // *Социологическое обозрение*. 2003. № 1. С. 35—37.
6. *Парк Р.Э.* По ту сторону наших масок // *Личность. Культура. Общество*. 2001. Т. III. Вып. 1. С. 101—113.
7. *Fisher B., Strauss A.* The Chicago tradition and social change: Thomas, Park and Their successors // *Symbolic Interaction*. Vol. 1. N. 2. 1978. Pp. 5—24.
8. *Park R.* The immigrant press and its control. New York ; London : Harper & Bros Pub., 1922.

1. *Ely J.D.* Community and the Politics of Identity: Toward the Genealogy of a Nation-State Concept // *Stanford Electronic Humanities Review*. 1997. Vol. 5. № 2. Режим доступа: <http://www.stanford.edu/group/SHR/5-2/elly.html>.

2. *Brubeyker R., Kuper F.* Za predelami identichnosti // *Ab Imperio*. 2002. № 3. S. 61—115.
3. *Ban'kovskaya S.P.* Invayromental'naya sotsiologiya. Riga, 1991. S. 19—29.
4. *Park R.* *Ekologiya cheloveka* // *Teoreticheskaya sotsiologiya* : v 2-kh ch. / sost. i obshch. red. S.P. Ban'kovskoy.. M., 2002. Ch. 1. S. 171—184.
5. *Park R.E.* Soznaniye brodyagi: rassuzhdeniya po povodu sootnosheniya soznaniya i peremeshcheniya // *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2003. № 1. S. 35—37.
6. *Park R.E.* Po tu storonu masok // *Lichnost'*. Kul'tura. Obshchestvo. 2001. T. III. Vyp. 1. S. 101—113.
7. *Fisher B., Strauss A.* The Chicago tradition and social change: Thomas, Park and Their successors // *Symbolic Interaction*. Vol. 1. N. 2. 1978. Pp. 5—24.
8. *Park R.* The immigrant press and its control. New York ; London : Harper & Bros Pub., 1922.

© Кузнецов А.Г., 2010

*Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.*

УДК 342.25(430)

Д.А. Булах

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ
ГОРОДСКОГО
МОЛОДЕЖНОГО ВЕДОМСТВА
(на примере Кёльна)**

На основе сведений, полученных в рамках сотрудничества с администрацией г. Кёльна и Германским фондом международного правового сотрудничества, рассмотрена организация работы государства и органов местного самоуправления по вопросам воспитания и защиты детей и подростков в современном городе.

Ключевые слова:

Молодежное ведомство, молодежная политика, местное самоуправление, некоммерческие организации.

D.A. Bulakh

**ORGANIZATION OF URBAN YOUTH
DEPARTMENT
(on the example of Cologne)**

On the basis of information obtained in the framework of cooperation with the administration in Cologne and the German Foundation for International Legal Cooperation, the organization of state and local governments on education and protection of children and teenagers in the modern city is considered.

Key words:

Youth authority, youth policy, local government, non-profit organization.

Об авторе:

Булах Дарья Александровна — студентка 5 курса юридического факультета, Волгоградская академия государственной службы, 8-927-507-75-03, vags@vags.ru

Bulakh Dariya Aleksandrovna — 5th year student of the faculty of law, Volgograd Academy of Public Service.

В Германии широко распространена система местного самоуправления, в каждом городе функционирует своя администрация, в которую входит большое количество ведомств. Помимо прочих, все города обязаны иметь при администрации ведомство, которое будет решать задачи, направленные на защиту и поддержку детей и молодых людей. Набор этих задач обязателен для любого города, а вот пути их решения строго не регламентированы. Для реализации этих задач администрация обязана предоставить помещения, а также обеспечить функционирование различных служб. В Кёльне этим занимается Jugendamt, так называемое Молодежное ведомство (МВ). В своей деятельности МВ руководствуется законом «О помощи молодежи и детям»¹, в котором представлен комплекс мероприятий и мер, направленных на то, чтобы дети и молодежь стали самостоятельными и вели нормальный образ жизни. Согласно данному закону несовершеннолетние дифференцированы на три возрастные группы. Первая группа — это дети (или малолетние), т.е. лица, которые не достигли возраста 14 лет, вторая — это подростки от 14 до 18 лет, к третьей группе относится молодежь в возрасте от 18 до 21 года. По сути, МВ решает вопросы ребенка на протяжении всего периода с рождения и до достижения им 21 года. При этом сотрудники подчеркивают, что они не выискивают правонарушителей, не устраивают тотального контроля над детьми и их окружающими, а создают концепцию, которую граждане добровольно принимали бы и участвовали в ней. Если возникает проблема, первым делом на нее реагируют сами родители, ребенок или общественность. Как правило, соседи или школьные учителя замечают, что в семье творится что-то неладное, родители не справляются со своими обязанностями или ребенок попал в беду. Они сообщают любому представителю администрации или в СМИ, и затем информация попадает в МВ, которое начинает работу по этому сообщению. Основные направления, по которым работает МВ:

оказание помощи в профессиональной ориентации молодых людей, организация временной занятости и трудоустройства;

¹ Gesetz zur Ausführung des Kinder- und Jugendhilfegesetzes (AG KJHG).

организация досуга;
оказание защиты, правовая помощь детям и молодым людям;
помощь и консультирование родителей по вопросам воспитания и взаимоотношений с детьми;
непосредственная помощь в воспитании (вплоть до изъятия ребенка из семьи и помещения в интернат);
регулирование вопросов усыновления и опекуинства;
оказание поддержки адаптирующим семьям (семьям, которые берут под опеку или усыновляют детей);
обеспечение необходимого количества мест в детских садах;
оказание поддержки молодежным союзам;
выявление всех молодых правонарушителей и кураторское сопровождение их дел до суда (чаще всего дело до суда не доходит, а все вопросы решаются именно в МВ);
проведение конференций и семинаров в рамках международного сотрудничества.

Структура молодежного ведомства выглядит следующим образом: в Кёльне есть центральное ведомство и его филиалы в каждом районе. Таким образом, работники МВ находятся в более тесной взаимосвязи с жителями. При этом финансирование в районах не одинаково: в условиях дефицита денег на реализацию выявляют самые проблемные и направляют основные денежные средства туда. Например, в Кёльне девять районов, из них усиленную помощь получают пять. В Кёльне проживает около 1 млн человек, в МВ работает около 1000 человек. На конец 2009 г. в разработке было 50 тыс. подозреваемых и 150 тыс. правонарушителей. В МВ работают социальные педагоги и так называемые управленцы, люди, которые занимаются документацией. Работа в МВ является разновидностью государственной службы. Для деятельности МВ характерно тесное взаимодействие с другими институтами: полицией, которая предоставляет служебную информацию о правонарушениях в отношении детей и подростков и правонарушениях самих подростков; социальными службами и некоммерческими организациями (НКО), которые проводят консультации для родителей, различные тренинги с молодыми людьми, на которые последние те направляются как до суда по решению суда, так и в целях реабилитации по возвращению к нормальной жизни законопослушного гражданина; работниками ювенальных судов. Такое взаимодействие не ограничивается однонаправленными действиями: запросом информации, указаниями, — происходит постоянный непрерывный обмен информацией о ситуации, принятых решениях. Работники не только информируют друг друга о том, что произошло и какие меры приняты, но советуются, чтобы найти наиболее верное решение проблемы, которое лучше всего подойдет в данном конкретном случае и окажется наиболее эффективным. На практике это выглядит так: в каждом районе города учреждается Дом прав молодежи (большое здание с офисами и различными кабинетами). Буквально в соседних кабинетах работают представители МВ, несколько сотрудников криминальной полиции (они занимаются несовершеннолетними рецидивистами), ювенальные прокуроры, психологи и социальные педагоги. Таким образом достигается мобильность функционирования системы, решения принимаются в короткий срок, согласование некоторых вопросов происходит

практически незамедлительно. Дом прав молодежи открыт для посещений, подросток может прийти туда с любой своей проблемой: от поиска работы до психологической помощи в связи с нетрадиционной ориентацией. МВ не всегда решает все проблемы самостоятельно, кроме него молодежную политику реализуют также и НКО. Для этого им необходимо соблюсти некоторые условия, установленные законом «О помощи молодежи и детям». Для того чтобы участвовать в реализации молодежной политики, организация должна иметь специальный правовой статус, она должна быть внесена в реестр НКО или реестр обществ с ограниченной ответственностью. Координирует взаимодействие МВ и НКО комитет по делам молодежи, в который входят представители городского совета, члены МВ и НКО. Последние выполняют большой пласт работы в молодежной политике, поэтому они финансируются государством, кроме того, они получают право на дополнительную финансовую стимуляцию со стороны администрации города. НКО регистрируется в специальном реестре, затем подает заявку на финансирование, в которой указывает, какие проекты она собирается претворить в жизнь. Такие заявки делаются на один год, и в конце года НКО подтверждают свою деятельность различными справками и чеками. Заявки рассматривает МВ. Финансовые средства выдаются на конкурсной основе, сама по себе регистрация и заявка не означают, что проект будет профинансирован, кроме того, не всегда организация финансируется на все 100 %. Учредить НКО может, например, Католическая церковь, или это может быть гражданская инициатива. К примеру, в г. Кёльне функционирует Гомосексуально-лесбийский центр, поддерживаемый МВ, которое оказывает психологическую поддержку, проводит различные мероприятия. Многие общественные организации, направленные на развитие семьи, проводят общие обучающие занятия для молодых родителей, подготавливают волонтеров, осуществляющих консультации на дому (вплоть до того, как правильно пеленать ребенка).

Таким образом, Молодежное ведомство решает весь комплекс задач, используя как внутренние: организационные, бюрократические и даже градостроительные (концентрация всех служб в одном месте и в то же время распределение Домов прав молодежи по районам), так и внешние ресурсы: гражданскую инициативу и деятельность некоммерческих организаций.

© Булах Д.А., 2010

*Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.*

УДК 316.37 (1-21)

А.Ю. Барковская

**ГОРОДСКОЙ ЧЕЛОВЕК:
ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО
И ДУШЕВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ**

Горожанин рассматривается как имеющий собственные телесные, ментальные и социальные характеристики и особый образ жизни. Выделены особенности и причины духовного и душевного неблагополучия городских жителей.

Ключевые слова:

духовное и душевное благополучие, телесность, ментальность, образ жизни городского человека.

A.Yu. Barkovskaya

**TOWN DWELLER: THE PROBLEMS
OF SPIRITUAL AND MENTAL WELL-BEING**

The urban space is analysed as a factor of forming the spiritual and the emotional welfare of the urban residents. A city dweller is considered to be an individual with his own corporal, embodiment, mental and a special way of life.

The features and the reasons of the spiritual and the emotional ill-being of the urban population are represented.

Key words:

spiritual and emotional welfare; embodiment and mentality of a city dweller; way of life of an urban resident.

Об авторе:

Барковская Анна Юрьевна - канд. филос. наук, доц. кафедры философии, социологии и психологии ВолГАСУ, (8442) 96-99-25, anna_bark@mail.ru

Barkovskaya Anna Yurievna - candidate of philosophy, docent at the Department of philosophy, sociology and psychology, VSUACE

Существенным фактором формирования духовного и душевного благополучия людей является социально-пространственная среда общества и ее дифференциация на городскую (индустриальную) и сельскую (аграрную). Сосредоточение в крупных городах различных научных, образовательных, культурных учреждений, общая культурная атмосфера большого города дают возможность для духовного роста и развития его жителей. Вместе с тем городская среда оказывает негативное влияние на физическое и психическое здоровье горожан, частью которого и является их духовное и душевное благополучие. Под духовным благополучием понимается здоровая нравственная атмосфера городского социума, выражаемая в виде моральных ценностей и традиций, а душевное благополучие предполагает эмоционально-психологический комфорт городских жителей. Вместе взятые обе составляющие обеспечивают такое состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, ощущать себя удовлетворенным в физическом, эмоциональном и интеллектуальном плане. Однако урбанистическая цивилизация все активнее лишает человека этого благополучия, количество пограничных состояний психики, таких как депрессии, неврозы, стрессы, катастрофически растет именно в крупных городах. Мы попытаемся проследить, как меняется природа городского человека и каковы особенности духовного и душевного благополучия горожан.

Доля жителей Земли, проживающих в городах, уже сравнялась с численностью сельского населения и имеет тенденции к росту. Население России по материалам Федеральной службы государственной статистики за 2008 г. составило 142 млн чел., из них 103,8 млн чел. — городское население, что составляет 73 % [1]. Таким образом, среда жизнедеятельности для преобладающей части россиян — это город.

В городе формируется особый тип человека — горожанин, имеющий собственные телесные, ментальные характеристики и особый образ жизни, выполняющий различные функции и, в свою очередь, формирующий собственную ори-

гинальную, непохожую на деревенскую или природную, новую среду своего обитания.

Понятие *телесность городского человека* возникло сравнительно недавно на стыке естествознания, медицины и гуманитарного знания. Оно предназначено для характеристики социальных качеств человеческого тела и имеет место не в мире как таковом, а в социокультурном мире.

Телесная структура городского человека искусственная по сравнению с телесностью деревенского человека. Существенным моментом социального бытия личности в современном городе, в котором наблюдается расширение и принципиальное изменение масштаба межкультурных взаимодействий, развитие массовой культуры, стали вопросы поддержания собственного здоровья, создания внешне привлекательного образа, имиджа, соответствующего социальному запросу (работодателя, избирателя, спонсора и т. п.) для достижения определенного статуса. Вот как характеризует тело городского человека Б.В. Марков: «Тело это не организм, а такое же порождение цивилизации, как и все то, что создано человеком. Оно является символической системой и при этом совершенной и экономичной машиной, в которой используются преобразованные природные или искусственно выращенные и протезированные обществом органы. Поверхность тела испещрена культурными знаками, а его внутренние управляющие структуры: душа и разум — используются как носители и исполнители общественных означающих. При этом жилище, предприятие, школа, рынок и церковь представляют собой дисциплинарные пространства производства человеческого» [2].

Городской человек формирует свою внешность (одежда, прическа, декоративная косметика, фитнес, а теперь все чаще и пластическая хирургия), поведение (свобода нравов и терпимость) и общение (безличность, отстраненность, предоставление другому автономии до определенных пределов, отстаивание своих прав, одиночество) по нормам и требованиям городского общества.

Город как культурный феномен удовлетворяет, упорядочивает и организует телесные потребности. В настоящее время изменения происходят во всех областях проявления человеческой телесности горожанина: внешний облик, питание, забота о здоровье и образовании, продолжительность жизни и даже сама смерть [3].

Ментальность городского человека — это внутренние психологические установки горожанина, готовность его к восприятию каких-либо идей или их защиты, система чувств и переживаний и самооценка его деятельности и связей, а также часть менталитета всего общества в ту или иную эпоху. Ментальность предполагает осмысление города, прежде всего, с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями. Это сложная совокупность сознательного и бессознательного оказывает глубокое влияние на всю систему установок, восприятия, оценивания окружающего, самосознания, самоидентификации человека и выбор им своего поведения.

Ментальность отдельного человека проявляется в том, что индивид осознает себя горожанином. Называя себя москвичом, петербуржцем или волгоградцем, горожанин подразумевает черты и качества, характеризующие родной город: его историю, культуру, традиции — вместе с ним и его самого.

В городской среде вместо традиционных для сельского менталитета отношений близких людей: родственников, друзей, соседей — оформляются довольно специфические отношения, например, ближайших соседей, не знакомых друг с другом, или взаимоотношения супругов, живущих в «гостевом браке», или друзей, общающихся исключительно в Интернет-пространстве социальных сетей типа «Одноклассники», «В контакте». Усваивается и оформляется противоречивая культура социальной общности, где каждый человек довольно автономен и в то же время тесно связан с другими.

Ментальность городского человека формируется и поддерживается через механизмы массового сознания и различные правовые, образовательные, религиозные и социальные институты.

Образ жизни городского человека является следствием процесса урбанизации и выступает способом организации жизни горожан, который позволяет им выживать, взаимодействовать и развиваться в социально-пространственной среде с высоким уровнем социосубъектной, материально-предметной и информационной плотности. Городской образ жизни выступает комплексной характеристикой, позволяющей синтезировать количественные и качественные показатели, характеризующие различные стороны жизнедеятельности горожанина.

Образ жизни следует рассматривать как сложную динамическую функциональную систему, состоящую из следующих элементов:

социологического — *«качество жизни»* (качество жилищных условий, питания, удовлетворенность работой, общением);

экономического — *«уровень жизни»* (уровень благосостояния, размеры национального дохода и фонда потребления);

социально-экономического — *«уклад жизни»* (порядок общественной жизни, быта, культуры, в рамках которых проходит жизнедеятельность людей);

социально-психологического — *«стиль жизни»* (индивидуальные особенности поведения, образа мыслей, стиля мышления).

Качество жизни рассматривается как комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей, связанных с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе.

Например, на базе полевого исследования 2006 г., проведенного Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Л.А. Беляева выделяет следующие компоненты качества жизни: уровень жизни, качество ближайшей социальной среды, качество экологии, социальное самочувствие. Предлагается рассчитывать интегральный индекс качества жизни как среднее арифметическое общих индексов по каждому из четырех компонентов.

По оценкам сельских жителей их качество жизни выше, чем в городе. При этом уровень своего благосостояния жители села оценивают примерно так же, как и горожане. Здесь очевидны влияние более низкого социального стандарта, характерного для села, и сглаженность проблем материального расслоения. Основное влияние на повышение интегрального индекса оказывают качество социальной среды (соответствующий индекс на селе на 17 пунктов выше, чем в городе) и качество экологии (выше на 31 пункт) [4].

Недавнее исследование, проходившее в нескольких городах, показало, что у 50...60 % больных, обратившихся в поликлиники по различным поводам, есть стойкие признаки депрессии. А у трети из них депрессия уже сформировалась как заболевание. Однако врачами первичного звена она регистрируется лишь в 5 % случаев, как сообщает руководитель отделения экологических и социальных проблем Научного центра имени В.П. Сербского Б. Положий [5].

Депрессия опасна не только тем, что ее редко и с трудом диагностируют. В запущенных случаях она нередко приводит к суициду. А с начала перестройки и по сей день Россия прочно занимает второе место в мире по самоубийствам. «Несмотря на некоторое снижение количества самоубийств, у нас все равно частота суицидов в 2 раза превышает средний мировой уровень и в 1,5 раза — так называемый критический порог, который определила ВОЗ» [5].

Автор известной демографической теории и закона духовной детерминации здоровья академик РАЕН И.А. Гундаров утверждает, что алкоголизация, табакокурение и экологическое неблагополучие не являются существенными факторами сверхсмертности. Решающим фактором, на основании анализа статистики и других данных за последние сто лет, специалисты лаборатории Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины Минздрава РФ, которым руководит И.А. Гундаров, называют духовное неблагополучие — ощущение безысходности, ненужности, потерю смысла жизни. Было высказано предположение, что здоровье и жизнеспособность населения зависят не только и не столько от условий бытия (материальных факторов), сколько от нравственной атмосферы и эмоционального состояния общества (духовных и душевных факторов) [6, 7].

На этот счет в теологии существует представление о «смертных грехах», т.е. таких психологических состояниях, которые ведут к смерти человека как личности. В Библии перечислены семь смертных грехов: сребролюбие, блуд, сотворение кумира, неуважение к родителям, гордыня, гнев, тоска.

Злоба, агрессия, зависть имеют крайнее проявление в убийствах, тоска и уныние — в самоубийствах. Эти грехи отражены в официальной статистике: динамика смертности на 73 % объясняется возросшей агрессивностью в обществе (убийства) и на 11 % — безысходностью и потерей смысла жизни (самоубийства). Суммарная доля — 84 %. Получается, сверхсмертность последних лет обусловлена агрессией и депрессией как главными причинами [8].

Однако не только чрезвычайные экстремальные события и продолжительные неблагоприятные условия сосуществования меняют отношения между людьми. И при спокойной, вполне благополучной жизни взаимодействие людей может катастрофически ухудшаться.

Психологи выявили особую форму «болезней стресса», своего рода «болезнь общения». Ее называли впечатляюще: «выгорание персонала», «выгорание личности», а потом короче — «выгорание» («burnout»). Термин широко вошел в научную литературу с подачи американского психолога Кристины Маслач, которая назвала свою книгу «Выгорание — плата за сочувствие», где представлены результаты обширных исследований этого явления [9].

Главной причиной «выгорания» является психологическое, душевное переутомление. Жертвами «выгорания» в первую очередь оказываются те,

кто по долгу службы должны «дарить» окружающим тепло своей души: психотерапевты, учителя, врачи и продавцы, т. е. профессионалы общения. Многочисленные проявления «выгорания» можно свести к трем типам:

1) притухание эмоций, когда исчезает острота чувств и сладость переживаний. Вроде бы все нормально, но... скучно и пусто на душе. Не вызывают эмоций ни пламя заката, ни трели соловья. Ослабли чувства к самым дорогим и близким людям. Даже любимая пища стала пресной, невкусной;

2) возникновение конфликтов и неприязни к окружающим. Сначала человек сдерживается, затем ему с трудом удается скрыть свое раздражение, и, наконец, происходит взрыв и он выплескивает из себя озлобленность. Его жертвой, как правило, становится ни в чем не повинный человек, который ждал помощи или хотя бы участия;

3) наиболее социально и экономически опасный для общества тип «выгорания» — это утрата представлений о ценностях жизни, т.е. состояние, в котором «на все наплевать». Человек по привычке может сохранять и апломб, и респектабельность, но душевно он опустошен и окружающий мир для него безразличен.

При массовом «выгорании» люди начинают «поедать» друг друга. Самоликвидируются добрые, душевные личности. Устраняются человечность взаимоотношений, взаимопомощь. Массовое, тотальное «выгорание» заканчивается самоуничтожением всей группы (сообщества, социума) и заменой его в локусе обитания иными, жизнеспособными сообществами [10].

Основная причина «выгорания» — социальные особенности общества, неудовлетворяющего естественные человеческие потребности в гармонии благополучной жизни, в радости, любви, в разнообразии достойных событий. Важная причина «выгорания» — лишение права на одиночество, на общение только с теми, с кем хочется проводить время своей жизни. Потому избавиться от «выгорания личности», «выгорания души», как дополняет термин Л.А. Китаев-Смык, можно, изменив порядок жизни с пресыщением, вынужденным общением.

Каковы же в целом причины духовного и душевного неблагополучия горожан? Причины, их количество и иерархия существенно разнятся. Приведем мнения представителей медицины, социологии и религии, которые отдают приоритетное значение социокультурным факторам.

Академик РАМН П.И. Сидоров выделяет десять факторов: уплотнение информационной среды; нарастание некомпетентности; глобализация агрессии; поточная массовая культура; рост маргинальности; рост криминальной субкультуры; психологическая неграмотность населения; доступность психотехнологий; истеродемонический ренессанс; отсутствие институтов психопрофилактики [11].

Социологи видят три основных причины: материальное расслоение общества, одиночество и, как ни странно, стремление к богатству. Кризис 1990-х закалил россиян, но материальное расслоение, сопровождаемое бесконечными реформами, не позволяет снизить уровень стресса в обществе. Еще один сильный фактор — чувство одиночества. Но в наихудшем положении сейчас находятся те, кто во главу угла поставил материальные достижения. В моде агрессивное преуспевание: погоня за карьерой, должно-

стями, деньгами. Приобретая все больше, человек забывает об ограничениях. И неожиданное банкротство для него подобно смерти, он тут же впадает в глубокий стресс.

Р.П. Еслюк, руководитель Научно-просветительского центра «Христианская интегративная психотерапия» имени О.А. Меня, делает акценты на трех значимых для современного человечества проблемах, формирующих духовное нездоровье. Первая проблема, которую Александр Меня обозначал как тиранию магизма, и вытекающий отсюда рост псевдорелигиозности, магических культов, понижение значимости в обществе подлинной религиозности и религиозных Таинств. Вторую проблему можно обозначить как тиранию прошлого и выраженную в нашей культуре сексуальную вседозволенность, разрушение здоровых этических барьеров в области пола. Третья проблема связана с перенасыщением мирового и российского киноискусства деструктивными сюжетами, также перенасыщение искусства так называемой «чернухой», распространение ругательных выражений (мата) и т.д. [12].

Духовное здоровье людей определяется в философских понятиях, религиозных символах, произведениях искусства и представляет собой нематериальную основу существования человечества, успешности его развития, сохранения и приумножения высших человеческих ценностей.

Потребность в нормальном духовном климате приобретает в современных условиях для городских жителей даже большую актуальность, чем удовлетворение потребностей в нормальной пище, воде, воздухе, поскольку его отсутствие ведет не только к ухудшению телесного здоровья, но и к моральной, культурной, а затем интеллектуальной деградации человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
2. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб. : Алетейя, 1999. С. 156.
3. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве. Философско-антропологические основания урбанографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/>.
4. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33—42.
5. Известия науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inauka.ru/health/article92627.html>.
6. Шаталов А.Т. Философия здоровья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polbu.ru/shatalov_health/ch18_all.
7. Гундаров И.А. Закон духовной детерминации здоровья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polbu.ru/shatalov_health/ch18_all.
8. Гундаров И.А. Рождаемость — проблема души, а не денег, хорошей еды или отсутствия водки // Аргументы и факты. № 31 (1344). 2 августа 2006 г.
9. Maslach C. Burnout the cost of caring. N-Y : Prentice Hall Press, 1982.
10. Кутаев-Смык Л.А. Психология стресса — 2. Психологическая антропология стресса // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2007. № 4. С. 2—21.
11. Сидоров П.И. Системный мониторинг социальных недугов / Медицинская наука и религия о психическом здоровье : XVI Междунар. Рождественские чтения в Отделе по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата, 30.01.2008, г. Москва. М., 2008.
12. Еслюк Р.П. Экология духа и глобальные проблемы человечества [Электронный ресурс] / Центр Христианской интегративной психотерапии имени А. Меня. Режим доступа: <http://www.christiannewage.ru/>.

7. Gundarov I.A. Zakon dukhovnoy determinatsii zdorov'ya [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://polbu.ru/shatalov_health/ch18_all.
8. Gundarov I.A. Rozdaemost' — problema dushi, a ne deneg, khoroshey edy ili otsutstviya vodki // Argimenty i fakty. 2006. № 31 (1344).
9. Maslach C. Burnout the cost of caring. N-Y : Prentice Hall Press, 1982.
10. Kitaev-Smik L.A. Psikhologiya stressa — 2. Psikhologicheskaya antropologiya stressa // Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsiy. 2007. № 4. S. 2—21.
11. Sidorov P.I. Sistemnyy monitoring sotsial'nykh nedugov / Medicinskaya nauka I religiya o psihologicheskom zdorov'e : XVI Mezhdunar. Rozhdestvenskiye chteniya v Otdel' po tserkovnoy blagotvoritel'nosti i sotsial'nomy sluzheniy Moskovskogo Patriarkhata, 30.01.2008, g. Moskva. M., 2008.
12. Eslyk R.P. Ecologiya dukha i global'niye problemy chelovechestva [Elektronnyy resurs] // Centr Khristianskoy integrativnoy psikhoterapii imeni A. Menya. Rezhim dostupa: <http://www.christiannewage.ru/>.

© Барковская А.Ю., 2010

*Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.*

УДК 316.334.56Ж340

Ю.Ю. Ветютнев**УРБАНИСТИЧЕСКИЕ
КОРНИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Освещена проблема взаимосвязи городской стены (как установленной границы), определяющей масштабы «мира города» и юрисдикционную сферу городского права, с юридической формой, закрепляющей на законодательном уровне общезначимые и общеобязательные правила поведения.

Ключевые слова:

право, городское право, город, стена, граница, мир

*Yu.Yu. Vetyutnev***THE URBAN ROOTS
OF LEGAL CULTURE**

The article is devoted to a correlation of a town wall, as an established limit which determines a scale of "urban world" and a jurisdictional sphere of urban law, with legal form which fixes on the legislative level significant and imperative rules of a conduct.

Key words:

law, urban law, town, wall, limit, peace.

Об авторе:

Ветютнев Юрий Юрьевич — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Волгоградская академия государственной службы, Волгоград, 400066, а/я 168, 8 902 381-20-64, legalmind@yandex.ru, hamster@newmail.ru

Vetyutnev Yuri Yurievich — Ph.D in laws, the senior researcher, Volgograd academy of public service

1. В любом своем значении право рассматривается как отмеривающее, дозирующее, регулирующее, разграничивающее начало. Юридический опыт всегда базируется на представлениях о границах дозволенного, о надлежащей процедуре действий, о строгом следовании определенным нормам — разногласия, по сути, касаются лишь природы и масштабов этой меры, но не самого факта ее существования.

Другим, хотя и не столь очевидным свойством права является его способность к образованию собственного мира, понимаемого в обоих смыслах: и как обособленная живая система, и как свободное от войны состояние.

Так или иначе, в своей самой обобщенной и усредненной модели право неизбежно основывается на идеях границы и формы, поскольку соблюдение мер и созидание миров в равной степени несовместимы с аморфностью, беспредельностью и хаотичностью.

Одна из задач права как солидаризирующего фактора, думается, состоит в том, чтобы обеспечивать связку между физическим и социальным пространствами. В частности, это выражается в таком качестве правового пространства, как его *территориальный характер* [1, с. 19]. Территория представляет собой замкнутый, относительно локализованный фрагмент пространства, где действует строго определенный режим. Поэтому любая правовая система стремится к тому, чтобы отчетливо определить пространственные границы, внутри которых существует устанавливаемый ею социальный порядок. Согласно действующему российскому праву, государственная граница есть «линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации» (ст. 1 Федерального закона «О государственной границе Российской Федерации») [2]. Тем самым происходит обособление социальной среды от внешнего мира, возведение между ними преграды, произвольное нарушение которой является наказуемым.

Приведенное выше определение границы скорее напоминает описание стены, которая, в

свою очередь, обозначает собой предел внутренне упорядоченного и безопасного, структурированного и управляемого социального пространства, окруженного со всех сторон потенциальными и реальными угрозами. В этом смысле стены представляют собой некий наглядный прообраз правовых форм, которые отделяют дозволенное и полезное от предосудительного и опасного.

Кроме того, именно правовыми средствами оформляется внутреннее деление территории, включая набор ее составных частей и условные границы между ними (административно-территориальное деление). Юридически устанавливаются также территориальные центры управления: столица государства, главные города регионов и т.д.

2. Если обратиться к условиям формирования национальных правовых культур в Европе, то здесь ключевую роль, безусловно, играет средневековый институт «городского права». Формирование этого особого слоя права происходило в условиях своеобразного средневекового «правового плюрализма», когда на одной и той же территории сосуществовали несколько правовых систем: римское право, каноническое право, обычное право и др. Необходимость еще и в особом городском праве была вызвана, прежде всего, крайне неспокойной социальной обстановкой: постоянными войнами, междоусобицами, разбоем и прочими беспорядками, характерными для средневековой Европы. В этой связи город с точки зрения средневекового общества выступал, прежде всего, как особое, искусственно созданное и выделенное пространство, где сохраняется постоянный мир.

Идея города как мирной среды выступает центральным пунктом всего средневекового городского права. Именно этим объясняются все его основные отличительные черты, а именно: огромные штрафы за кровопролитие и любое нарушение мира на городской территории; гарантирование безопасности всем, кто входит в город; введение особой охранительной юрисдикции города на прилегающей территории; исключительная подсудность горожан только городскому суду и др. Наконец, особо показательным следует считать тот факт, что символом всех свобод, привилегий, самостоятельности города становятся городские стены [3, с. 169—171].

Таким образом, историко-правовой смысл формирования городского права заключается в том, что идея мира как высшей ценности получила свое дальнейшее развитие в идее границы: сообщество решает задачу обеспечения мирной жизни путем отгораживания от внешней агрессивной среды. Собственно, именно этот принцип — введение точных границ — со временем привел к необходимости перехода от обычного (устного) права к письменным формам, в качестве которых изначально выступали хартии, выдаваемые городам их покровителями-феодалами. Эти правовые акты начинали достаточно быстро перениматься другими городами. В частности, особенно популярны были законы Фрайбурга (действовали в 19 городах), Любека (в 43 городах), Франкфурта (в 49 городах) и др. Однако наибольшее влияние, безусловно, приобрели законы Магдебурга, которые распространились более чем на 80 городов. Знаменитое магдебургское право активно применялось на территории нынешней Польши, Белоруссии, Прибалтики и др., став основой для развития писаного права во всей Центральной и Восточной Европе [4, с. 352—356].

3. Идея о высшей ценности мира, безусловно, была в полной мере свойственна и России. Достаточно напомнить, что сама локальная община на Руси издавна именуется «миром». Таким образом, можно заключить, что главные функции местного сообщества в обоих случаях, по сути, аналогичны: это создание особого пространства мира и безопасности. Однако, наряду с этим, в русской традиции идее границы (предела) отнюдь не придается такого большого значения, более того, она практически не оформлена.

— Теперь же я поведу тебя посмотреть, — продолжал он, обращаясь к Чичикову, — границу, где оканчивается моя земля.

...Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва.

— Вот граница! — сказал Ноздрев. — Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все мое [5, с. 89].

Границей оказывается вовсе не прочная стена, а условный разделитель, который трудно различить и легко преодолеть.

В рамках европейской культуры мир обеспечивается, прежде всего, порядком, т.е. наличием системы строго определенных отношений между различными субъектами, построенной на наделении каждого из них точно отмеренным объемом прав, обязанностей и привилегий. В российской традиции, напротив, отсутствует такая тесная связь между представлениями о порядке и мире. Порядок скорее воспринимается как нечто внешнее, принудительное, напряженное, а мир связывается с гармоничностью и естественностью социальных связей.

Фактически жизнеспособность самодержавной монархии обеспечивалась именно минимальностью государственно-властного вмешательства во внутреннюю жизнь общины. Чрезвычайная усложненность, если не полная невозможность установления контроля над всей колоссальной территорией государства была компенсирована тем, что львиная доля всех «социальных» функций выполнялась именно на общинном уровне.

Таким образом, острой необходимости отгораживаться стеной от внешней среды у русской общины не было, а значит, фактически отсутствовала и потребность в фиксированных письменных правилах. Государством признавалось и защищалось локальное обычное право в его устной форме. Масштабные заимствования из западного опыта, начатые Петром I (который, по некоторым данным, интересовался магдебургским правом), привели к тому, что зарубежные институты «наложились» сверху на традиционные российские модели, в том числе общинные, которые при этом продолжали действовать, в известной степени оберегались государством и по-прежнему выполняли свои социальные функции.

Но идея права как строгой формы — продукт городской культуры, применение понятия «право» к неформальным и устным явлениям по меньшей мере условно. Для российского правового сознания по-прежнему свойственно недоверчивое, ироническое отношение к закону и одновременно сильная тяга к «живой справедливости» [6, с. 470—471]. Правовая форма никогда не будет восприниматься всерьез в аграрном обществе с его сетями локальных территориальных связей, построенных на личных, родственных, дружеских отношениях, сама природа которых такова, что они не могут быть юридиче-

ски оформлены и потому принципиально находятся за рамками («стенами») права.

Кроме того, существование права в социуме требует значительных ресурсов. Построение юридической инфраструктуры и ее поддержание в рабочем состоянии связаны для общества с огромными затратами материального, организационного, интеллектуального характера и т.п. Законодательный корпус, правоохранительные органы, юридическое образование и все прочие институциональные элементы юридического поля имеют чрезвычайно высокую «социальную цену». Должно сложиться сообщество профессиональных юристов — особая социальная прослойка, формирующаяся под влиянием юридических текстов и выступающая в качестве «активного фермента» правовой реальности, выполняя функции по ее защите и воспроизводству. Все это возможно лишь в условиях высокоразвитой городской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов В.П., Суханов В.В. Правовое пространство. М., 2004. С. 19.
2. Российская газета. 1993. 4 мая.
3. Зуева Л.Е. Область действия городского права в средневековой Германии // Актуальные проблемы судебно-правовой политики : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2007. С. 169—171.
4. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 352—356.
5. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1984. С. 89.
6. Сорокин В.В. «Правовой идеализм» и «правовой нигилизм» в России конца XX — начала XXI вв.: причины и следствия // Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006. С. 470—471.

1. Malakhov V.P., Sukhanov V.V. Pravovoe prostranstvo. M., 2004. S. 19.
2. Rossiyskaya gazeta. 1993. 4 maya.
3. Zueva L.E. Oblast deystviya gorodskogo prava v srednevekovoy Germanii // Aktual'nye problemy sudebno-pravovoy politiki : sb. st. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza, 2007. S. 169—171.
4. Berman G. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. M., 1998. S. 352—356.
5. Gogol N.V. Mertvyye dushi. M., 1984. S. 89.
6. Sorokin V.V. "Pravovoy idealizm" i "pravovoy nigilizm" v Rossii kontsa XX — nachala XXI vv.: prichiny i sledstviya // Pravovaya sistema Rossii v usloviyakh globalizatsii i regional'noy integratsii: teoriya i praktika. M., 2006. S. 470—471.

© Ветютнев Ю.Ю., 2010

Поступила в редакцию
в октябре 2010 г.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2010 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде (2 экз.) в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.); 2) акта передачи произведения в редакцию (2 экз.) (скачать бланки по адресу <http://www.vgasu.ru/publishing/journals/city-sociology/preparation-requirements>); 3) анкеты — согласия автора на доступ к его персональным данным неограниченного круга лиц (скачать бланк там же); 4) выписки из протокола заседания кафедры и 5) одной рецензии. К статьям прилагается экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; наименование и код научной специальности (по Номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется личной подписью автора (соавторов).

Объем статьи — от 3 до 7 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для *набора формул* используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Сур) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Сур) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРИВОДИТСЯ ДВАЖДЫ. ВО ВТОРОМ ВАРИАНТЕ ВСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ПРИВОДЯТСЯ НА ЛАТИНИЦЕ (Внимание! Не следует переводить на английский язык!). ЗАПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ПРОСТО ПОВТОРЯЮТСЯ.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются. В спорных случаях статьи могут быть направлены редакцией на дополнительную внутреннюю или внешнюю экспертизу (рецензирование), анонимную для обеих сторон, и опубликованы только при положительном заключении. Копия заключения предоставляется автору.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство индустриального города.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об **условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала** по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508.** Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. **E-mail: info@vgasu.ru** (в теме указать: **для Б.А. Навроцкого**).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: gorachevae@mail.ru.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2010. № 3

Научно-теоретический журнал

Редактор *О.Е. Горячева*

Редактор переводов на английский язык *Н.И. Колина*

Корректоры *О.В. Горячева, М.Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *О.Е. Горячева, О.В. Горячева*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потоккина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова, О.Е. Горячева*

Подписано в печать 01.11.10

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman

Уч.-изд. л. 5,4. Усл. печ. л. 6,65. Тираж 500 экз. Заказ № 114

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в секторе оперативной полиграфии ЦИТ ВолгГАСУ
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1